

13-Й ОТДЕЛ НКВД

ПАВЕЛ
БАРЧУК

Павел Барчук
13-й отдел НКВД. Книга 2
Серия «Чекист», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70341571

Аннотация

Уход из убойного отдела на заслуженную пенсию и домик на берегу моря – вот мои планы на ближайшее будущее. Три раза "ха-ха" – сказала Судьба и закинула меня в 1941 год. Оказаться в теле родного деда, сотрудника таинственного 13-го отдела НКВД, – легко. Предотвратить роковое событие – да пожалуйста. Но на деле вышло иначе. Теперь передо мной задача похлеще, чем поимка маньяка. Пока я не сделаю то, что должен, возвращение обратно отменяется...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6[1]	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Павел Барчук

13-й отдел НКВД (2)

Глава 1

Возвращение домой вышло совсем не таким, как я ожидал. Это мягко говоря. Баба левая откуда? Говорит, жена. Ага! Непременно. Я, конечно, последний год думал о семье. После того, как остался совсем один частенько накатывала тоска. Но уж точно помню, что это были лишь планы. Тем более, сказать честно, дамочка вообще не в моем вкусе. Да и не столько я выпил, поминая деда, чтоб запечатлеть удивительный факт собственной женитьбы. Это у меня не один день из головы должен исчезнуть.

Повертел башкой, осматривая кухню. Моя? Вроде, моя, родная. Стол, как стол. Табуретки – обычные. Оно сейчас поди разбери, все однотипное, если брать в пределах жизни среднего достатка. Я в ментовке получал не сказать, что жирно. Одному, конечно, хватало. Хотя, сильно не развернешься. Кварту обставил мебелью ещё дед. После его смерти ничего менять не стал. Кровать только купил новую, с ортопедическим матрасом. Стобила, конечно, не вышепчешь. Будто не кровать, а запчасть для личного самолёта. Но очень уж хотелось.

Сидеть и дальше на полу было неудобно, но ещё больше – глупо. Поэтому упёрся ладонями о пол и поднялся на ноги. В этот момент обратил внимание на свой несколько удивительный наряд. Нижней его частью являлись спортивные трико с оттянутыми коленями, верхней – майка, которую в народе зовут «алкоголичкой». Все очень не новое, средней степени потёртости. Мы, конечно, не сильно привередливые в одежде, голубых кровей не имеем, но такое я бы не одел. Хотя бы потому, что осталась привычка к порядку. Вещи у меня всегда были чисто выстираны, идеально выглажены. Кроме того, опустив взгляд вниз, имел возможность наблюдать небольшой живот. Этаким домашний, уютный, пивной его вариант. Что за хрень? Все ещё не закончилось, что ли? В данном случае, я про мистические прибамбасы.

Выскочил из кухни в коридор и прямой наводкой к ванной. Очень сильно хотелось увидеть себя, родного. Надеюсь, именно себя.

Заскочил и чуть не взвыл от того, что там имелось. На крючках висели халат, полотенце, опять халат, ещё какая-то неведомая хрень. Типа ночнушки. Все это предназначалось исключительно для противоположного пола. Рюши, как и отвратительные грязно – розовые цвета, точно не в моем вкусе. На полочках – несколько ярких банок с кремами, я так понимаю, что это – крема, щипчики, ватные диски и много чего из женского арсенала.

Метнулся к зеркалу. Из отражения в заляпанном потека-

ми стекле, смотрело мое, родное лицо, но только помятое, что ли, и обрюзгшее. Щеки обвисли, образуя собачьи брыли. Глянул на плечи, а потом на бицепсы. Точнее туда, где они должны быть. После того, как вернулся домой, за физической формой следил по привычке. Может, это и блажь, но мне нравилось, что тело остаётся спортивным. Теперь же, все выглядело очень грустно. Такое чувство, что в жизни я не сделал ни одного отжимания и ни разу не видел в глаза турник.

Несомненно, зеркало показывало мне меня, но в какой-то сильно другой сборке. Будто на заводе производителе оригинал заменили плохой, некачественной подделкой.

– Твою мать...

Открыл холодную воду и, зачерпнув ладонями влагу, плеснул ее себе в лицо. Снова глянул в зеркало. Хрена там.

Нет, после того, что было, после Иваныча и 1941, сейчас шок имел значительно меньшие размеры. Более того, формировалось четкое понимание, я не сошел с ума, просто что-то пошло не так. Надо понять, что именно, в какой момент, и какова ситуация. Хотя бы котов с разными мутными личностями, не видно. Правда, не знаю, так ли уж это хорошо.

Вышел из ванной комнаты и сразу носом уткнулся в особу, которая совсем недавно заходила в кухню.

– Ну?! Оклемался? Господи... говорила мне мама, выбери Толика. Толик, он сейчас главный инженер на авиационном заводе. Ходит – весь с иголочки. Красавец. Машину купил.

Квартиру обставил. А женился на какой-то мымре. Все потому, что я отказала. Поверила тебе, алкашу.

Я обогнул дамочку и направился к комнате.

Квартира точно моя. Расположение, планировка. Все, как и было. Отличается обстановка. В спальне вместо плазменной панели – обычный телевизор. Не дешёвый, не дорогой. Кровати, конечно же, хрен вам. Диван и два кресла. Всю жизнь ненавидел диваны. На них спать невозможно. Дамочка, обозначившая себя моей второй половиной, не отставала. Двигалась след в след и зудела, словно назойливая муха. Не прихлопнуть бы.

– А мама знала. Знала. Как она меня отговаривала. Ох, как отговаривала. Ведь семейка у тебя та ещё. Отец – всю жизнь сантехником. Ни образования не дал сыну, ни правильного понимания жизни. Дед вообще сидел.

– Стоп! – Я резко повернулся к женщине, отчего она почти влетела в меня всем телом. Поймал ее за талию, вернее за хорошо спрятанные под мягкими валиками жирка остатки оной, отодвинул на безопасное расстояние. – Кто сидел? Какой дед?

– Ооооо... ясно. Допился. Говорю же. Ты, Симонов, доиграешься. Так скажу. Может, сухой закон отменили на днях, но столько лакать, это, конечно, вообще недостойно советского человека. Придут за тобой и отправят на принудительное лечение.

– Погоди... Какого человека? Советского? Какой сейчас

год?

После того, что произошло, я сделал один несомненный вывод. Первое, что принципиально знать в любой непонятной ситуации – какое время на дворе. Может, Звезда промахнулась и закинула меня в начало 90-х? Но не похоже, вроде. Мебель все равно современная, как и техника. Да и рожа моя. Хоть испорченная.

Женщина осеклась на полуслове, затем посмотрела на меня очень внимательно.

– Вань, может, правда, на лечение?

– Какой год сейчас? – Я ухватил ее за предплечье, но это больше от желания быстрее получить ответ. Цели причинить вред незнакомому человеку, не имелось.

– Да что ж такое... Сейчас 2022 год. – Дамочка поморщилась и попыталась выдернуть руку.

– Почему ты называешь меня советским человеком? Ну? – Тряхнул ее сильнее.

Женщина жалобно хныкнула и начала с удвоенной силой тянуть родную конечность. Похоже, я реально делаю ей больно.

– Извини. – Разжал пальцы, – Просто ответь.

– Вань, я тебя боюсь. Советский человек – это тот, кто живёт в Советском Союзе. Ты чего? Жили бы мы в Гондурсе, я бы тебя назвала гондурасцем.

Вот так номер... Год правильно. Тело – правильно. Частично, конечно, понять бы почему оно такое, но в принци-

пе не до капризов. Даже квартира правильно. А вот с остальным непонятно.

Я подошёл к дивану и плюхнулся на него, глядя в одну точку. Потом взгляд сам собой скользнул по стене, вдоль которой стояла ужасная, отвратительного вида «стенка». Рядом, чуть левее висел портрет человека в строгом пиджаке. Его лицо очень смутно показалось мне знакомым.

– Кто такой?

– Где? – дамочка покрутила головой, не понимая вопроса.

– Вот он. Кто такой? – Я ткнул пальцем в портрет.

– Ваня... ты поосторожнее с высказываниями. Сейчас, конечно, не военное время, но за подобные выкрутасы могут все равно забрать для профилактической беседы. Это – генеральный секретарь нашей партии. Его ты в любом состоянии должен помнить.

– Генеральный секретарь... коммунистической партии? Верно?

– Конечно! Какой же ещё? Товарищ Тихонов.

Твою мать... так вот почему он кажется мне знакомым. И правда, похож на майора сильно. Может, не один в один, однако, несомненно похож.

– Дай-ка свой паспорт. Он же имеется?

– Зачем? – Дамочка подбоченилась, явно собираясь снова пойти на новый круг словесных излияний.

– Дай паспорт, говорю. Быстрее!

– Предупреждала меня мама... – начала она опять свои

стенания, но к «стенке» все-таки подошла. Выдвинула один из ящичков и достала оттуда документ в красной обложке.

– На!

Украшал его золотистый символ советского союза – серп и молот. Я открыл первую страницу. Симонова Ксения Николаевна, одна тысяча девятьсот девяносто первого года рождения. Выходит, ей тридцать один. Да уж. Выглядит чуть старше. Посмотрел пометку о семейном положении. И правда, десять лет назад был заключён брак с гражданином Симоновым Иваном Сергеевичем. С тревогой в сердце открыл страницу, где обычно указаны дети. Если сейчас окажется, что и они имеются в наличии, это вообще будет что-то с чем-то. К счастью, данный разворот был девственно чист.

Протянул дамочке паспорт, а потом обхватил голову руками, пытаясь собрать мысли в кучу.

Значит, выходит, я вернулся, но в какую-то другую реальность? Советский союз жив, а у руля стоит то ли внук, то ли брат, то ли сын Тихонова. Тут сложно просчитать. Смотря сколько лет этому товарищу.

Но, учитывая то, как на вопросы реагировала моя, прости Господи, жена, лучше пока придержать их при себе. А то хватит ума сдать родного мужа в психушку или, как там она сказала... для профилактической беседы. Интересно, кому?

Эх, как бы сейчас не помешали всякие мутные личности, типа Натальи Никаноровны или Клетчатого. Хоть кто-то, способный рассказать все внятно. А я ещё в 1941 кочев-

ряжился. Тут бы хоть бабу, хоть дедку, хоть кота, можно даже в сапогах. Кого угодно.

– Вань... – Ксения, которая Николаевна, села рядышком и прижалась ко мне одним боком. – Ну, что с тобой? Правда допился? Я ведь тебе говорила, иди на завод. Вон Толика бы попросили, он тебя пристроит в какой-нибудь цех. Там, глядишь, до мастера дошел бы. Зарплата, как-никак стабильная. Ходил бы с мужиками на дежурство. С нормальными мужиками, а не с теми, у которых только водка да селёдка в голове. Тогда и детишек можно.

От ее последней фразы меня буквально передёрнуло. Детишек не хватает для полного счастья.

А почему она вообще говорит про завод? Я вскочил на ноги, чуть не уронив собственную супругу с дивана. Она то, не ожидая подвоха, уже легла всей грудью на мое хлипкое плечо. Похоже, собиралась приступить к реализации плана про деток раньше задуманного. Бросился к двухстворчатому шкафу. Да уж, небогато мы живём, если нормальную мебель себе позволить не можем. Распахнул дверцы и принялся лихорадочно перебирать висящую на вешалках одежду.

– Форма где?

– Какая форма. Вань, я тебя прошу, угомонись.

– Ментовская форма. Где моя форма?

– Да иди ты, блин... надоел твой цирк. Дед по статье за предательство и измену родине сидел, а ты про милицию

говоришь. Совсем того? – Ксения покрутила указательным пальцем у виска, а потом вышла из комнаты, направившись к ванной.

Сука... Не дамочка. Это я для связки слов. Что ж выходит? Где-то в какой-то момент все пошло совсем не туда.

Голова уже привычно заболела, отдавая ломотой в затылок. Но зато, на фоне приступа боли, меня вдруг осенила мысль. Я бросился в кухню. На столе – тарелка с сиротливо порезанной кусочками колбасой, две рюмки и початая бутылка водки. Звезда. Где эта чертова Звезда?

Я принялся осматривать комнату, потом встал на колени и полез под стол. Когда увидел знакомый предмет с пятью лучами, чуть не взвыл от радости. Схватил его в руку, поднес к глазам, рассматривая. Почему опять нет одного луча? Должно быть шесть. Но в данный момент она похожа на обычную звезду. Только темная и круг соединяет концы. Подумал, потом потёр ее пальцами. Ничего. Ещё раз потёр. Ноль.

– Да как тебя заставить работать, тварь ты такая!

Что бы не произошло, но это точно было неправильно. Меня вернули обратно в настоящее, только это настоящее сильно изменилось. А самое хреновое – дед. Вот тут мне совсем стало тошно.

Ксения сказала, его посадили за измену родине. Деда! Что ж могло такого произойти? И какого черта семейство Тихонова теперь в верхах сидит. Я ведь даже не знаю, в 1941 был он женат или нет.

– Что ж ты наделал, гражданин Симонов...

Страдать, выть и биться головой о стену можно было сколько угодно. Но это ничего ровным счётом не изменит. Тем более, я уже имел опыт, подтверждающий, возможно даже то, что теоретически невозможно. Покрутил звезду и положил в карман трико. Хрен я ее из поля зрения выпущу. Из рук тоже.

Несомненно, первым делом мне нужно разобраться, насколько это настоящее отличается от моего настоящего. Советский союз, значит...

– Что ты там лазишь?

Ксения вышла из ванной и теперь наблюдала за мной с порога кухни. Она переоделась в брюки и блузку, причесала волосы, даже накрасила губы, но сильно от этого не похорошела. Где я вообще ее разыскал? Почему женился? Не было других вариантов? Очень сомневаюсь насчёт большой любви.

– Да так. Искал кое-что. Уже нашел.

– Кое-что... Лучше бы ты совесть искал и нашел. – Супруга, хотя данное определение сильно коробило мое внутреннее «я», фыркнула, а потом направилась к двери. – Поеду к маме. Давай тут, не натвори ничего. Скоро вернусь. И не пей больше. Завтра на работу тебе выходить. Из ЖЭКа искали. Спрашивали, когда в норму придёшь.

Как только дверь хлопнула, закрывшись за этой особой,

я снова метнулся к шкафу. Выбор угнетал, если честно. Небольшое количество выцветших, растянутых футболок, спортивные штаны на завязках. Явно в этом настоящем я не слишком уж слежу за трендами. С горем пополам выбрал более-менее приличный вариант. Ну, как приличный... хотя бы он не вызывает ощущение, что его пытались на себя натягивать сразу двое человек одновременно.

С обувью тоже оказалось негусто. В наличие были только кеды, имевшие вид предсмертного состояния. Звезду сразу переложил в карман. Нужно держать ее при себе. Не думал, что скажу нечто подобное, но как только немного разберусь, где моя жизнь и жизнь деда свернули не туда, постараюсь разыскать Белиала или чёртову бабку – демона. Если они были в моем настоящем и в прошлом деда, значит, тут их найти тоже реально. Или... о Господи... или вызвать.

Меня совсем не устраивает нынешний расклад. Пусть в 1941 развернуться не имел возможности, но сейчас бездействовать не буду.

Поискал ключи от квартиры. Рядом с вешалкой, занятой верхней одеждой, обнаружился маленький гвоздик, на котором нашлась нужная связка. Форма ключа такая же, как и была. Издевательство настоящее.

Вышел из квартиры, закрыл дверь. Лестничная площадка точь в точь. Значит, и дом тот же самый. Какого черта тогда с одной стороны все, как под копирку, а с другой – жена, пьянка и Советский союз?

Спустился пешком, пытаюсь найти отличия. Их не оказалось. Даже цвет соседских дверей соответствовал ожиданиям.

На улице было тепло и... очень чисто. Вдоль дома тянулся палисадник, в котором живописно, в художественном стро-гом рисунке, имелись цветы всех мастей. Аккуратный заборчик из ровных дощечек с острыми верхушками навевал мысли о деревенской красоте, потому что в городе я сто лет такого не видел. Среди астр и ещё каких-то растений, не садовод-любитель, не разбираюсь в этом, стояли симпатичные фигурки... солдатики. Высотой где-то около сорока сантиметров, с ружьями на плече. Как садовые гномы, только солдаты.

Возле подъезда наблюдалась лавочка с изогнутыми ножками. Такие раньше встречал в парках. Чуть дальше, где ровным строем кучковались деревья, а они даже кучковались в каком-то парадном марше, виднелся стол с двумя лавочками по бокам. Но главное, за ним сидели трое мужиков, старше моего. Они играли в домино. Это, конечно, что-то с чем-то. Такое ощущение, будто случайно соединили две картинки – 2022 год и конец восьмидесятых, а то и пораньше.

В любом случае, подобные товарищи, как и бабушки на лавочках, которых, к сожалению, сейчас не наблюдалось, в смысле бабушек, лавочки то были, могли оказаться весьма полезным источником информации. Поэтому я прямой наводкой двинулся к ним, заодно оглядывая окрестности на

предмет котов. Желательно, черных, наглых и жирных.

– О! Иван! Здорова. А говорят, ты приболел. – Один из мужиков щелкнул двумя пальцами по шее, намекая на «болезнь» определенного характера.

– Ага. Лёнька бей, не отвлекайся. Твоя тут вчера бабам жаловалась. – Хохотнул второй. – Рассказывала, что ты совсем от рук отбился. И опять про своего Толика. Весь двор смеётся, что Толик ее уже и знать не знает, и помнить не помнит, а она одно по одному.

– Привет, мужики. Не, все нормально. – Я уселся рядом с первым, которого, похоже, как раз, и звали Леонидом. – А вы тут что? Какие новости? Какие дела?

– Телевизор не смотришь, или что? Главная новость, Сухой закон свернули. Правильно рассудили, кстати. Хотя... самогон у тебя выходил отличный. Все равно гони. Понял? С ним ни одной «Столичной» не сравниться. – Леня со всей силы долбанул о стол ладонью, в которой лежала кость, а потом гаркнул: «Рыба!»

– Ага. Обязательно. – Про себя подумал, не так уж я плох, если в этом настоящем при запрете на алкоголь ухитрился самогон гнать. Интересно, продавал? Вот так вот. Был ментом, а стал подпольным бутлегером. Из крайности в крайность.

– Ещё что... Нам какой-то там по счету пакет санкций выписали. Хрен их знает, чё хотят. Уже лет двадцать ими обкладывают. А толку с гулькин нос. Правда говорят, капи-

тализм – гнилое дело. Вообще не рассуждают. Что нам их санкции? О, мужики, Петрович идёт. Сейчас будет нотации читать.

Я посмотрел в ту сторону, куда указывал игрок. По двору, оглядя не сильно большое количество машин, на которых, кстати, имелись значки отечественного производителя, хотя внешне тачки были очень даже приличные, шел подполковник Матвеев. Форма на нем не значительно, но все же отличалась от привычной, более напоминая прежний вариант, подходящий началу девяностых.

– Вот и участкового принесло... – Протянул Леня, а потом достаточно громко крикнул, – Здравия желаю, товарищ майор! Все – то Вы на службе, да на службе. Пора уже на пенсию.

– Ты мне поговори, Филимонов. Поговори. Почему опять не на работе? А ты, Симонов. Жена твоя опять жалобу накатала. В курсе? Говорит, порочишь ты образ советского человека. Это хорошо, она от небольшого ума мне их строчит. Но ее жалобы можно как отдельный том «Войны и мир» издавать. Опять в запое был?

Я смотрел на своего начальника и это было очень смешно. Правда. Подполковник тут, оказывается, майор, да ещё и участковый. Всегда знал, что он умом на прежнюю должность, как и звание, не дотягивал.

– Что молчишь, Симонов?

– Никак нет, товарищ начальник. Баба – дура. Сами в курсе. – Не знаю, почему, но перенял тон мужиков сидевших за столом.

– Это, да. Твоя – особенно. Ладно, ты у нас не Валера Леонтьев и даже не Стас Михайлов, но жену себе выбрал вообще караул. Так почему не на работе, спрашиваю? За тунеядство хотите получить?

Я, не выдержав, хохотнул. Такое чувство, что в кино снимаюсь. Если 1941 держал в тонусе, реально опасался лишнего сказать, тут же все иначе.

– Чё ты ржешь, Симонов? Вот объясни мне, что ты ржешь? – От фразы Матвеева стало как-то тепло на душе. Именно этими словами начиналось каждое совещание. – Пойдем поговорим. А вы сейчас быстро соберётесь и смоемся по домам. Ясно? Завтра жду с объяснительными, почему в рабочее время ошивались здесь, а не трудились на заводе. От всех.

Николай Петрович кивнул мне, приглашая следовать за ним. Я, собственно говоря, был не против. У самого имелись кое-какие вопросы, а задавать их при посторонних будет лишним.

Глава 2

Матвеев отвёл меня в сторону, почти за угол дома. Беседа, похоже, предстояла серьезная.

– Иван, это уже не шутки. Долго так продолжаться не может. Если твою дуру кто-то надоумит написать в НКВД, а доброжелателей много у нас, там ты никому и ничего не объяснишь. Понимаешь, она в крайней жалобе обозначила, что ты – потенциальный враг народа. Потому как идёшь против решения партии вывести нашу страну на путь трезвости и здравомыслия. Сухой закон отменили, конечно. Но два дня назад. Да и сам понимаешь, кому-то простят. Тебе – нет. С таких, как ты, спросу больше.

– Извините, товарищ майор... куда ее надоумят написать? – Нет, слышал-то я нормально. Сложно не услышать, когда Матвеев стоит рядом и в ухо почти все это говорит. Но знакомое сочетание букв всё же удивило. То есть даже вот так... Не Комитет Государственной Безопасности, а все оставили в начальном варианте.

– Туда, Симонов! Вот именно, что туда! Думаешь, нынче не так все строго? Да щас! Не афишируется особо. А так-то не далеко ушли. Говорить разрешили, свободу мысли и гражданской позиции провозгласили, но в строго обозначенных рамках. Понятно, не 1938 год на дворе, сам догадываешься, о чем я. Однако, если заберут, там, на месте, уже ни-

чего не докажешь. Тем более, сам знаешь, ситуация на политической мировой арене, ой какая напряжённая. Врага и в столбе увидеть могут. Просто потому, что этот столб не там стоит. Тем более, как КГБ приказал долго жить, и вернули народный комиссариат, они удила-то натянули слегка.

Я слушал Матвеева и поражался тому, насколько Николаю Петровичу на пользу оказалась работа участковым. Ты посмотри, знает слова «политическая арена», «афишируется». Вообще, в принципе, вникает в такие вещи. Помнится, на должности начальника отдела его интересовали только показатели и довольное руководство, стоящее над ним. Ну, ещё личное благосостояние. Не хуже и не больше, чем остальных, однако, стремление к хорошей жизни несомненно было. Теперь же, передо мной мент. Именно мент. Сильно звёзд не хватающий, но к своей работе относящийся добросовестно. Вон, воспитательные беседы приводит, о подопечных волнуется. Выходит, правильно буддисты говорят, самый страшный грех – быть не на своем месте. Вот сейчас Матвеев на своем месте, это точно.

– Иван, я к тебе хорошо отношусь. Не смотря ни на что. Отец твой нормальным человеком был, рабочим, честным. Если бы не сам знаешь какой факт из прошлого вашей семьи, может и в институт взяли бы. Бóльшего мог бы добиться. Но тут уж, как сложилось. Тем не менее, не позорь его память. Завязывай по острою ходить.

– Да понял я. Можно вопрос? Точнее несколько.

– Валяй. – Матвеев поправил фуражку двумя пальцами за козырек, слегка сдвинув ее на затылок, жарковато на улице, это факт, и уставился на меня внимательным отеческим взглядом. Да как непривычно! Лицо одно и то же, а человек – другой.

– Про деда. Нормально? Ничего, если поговорим? – Решил зайти издалека. Прощупать почву.

– Эх... – Матвеев оглянулся, потом посмотрел вперед, через мое плечо, проверяя, нет ли прохожих или случайных свидетелей, которые могли бы нас услышать. – Ну... давай. Тема не особо подходящая.

– Понимаю. Просто скажите, могу ли я где-то получить информацию по его делу? Возможно ли это вообще? Хотя какую-то информацию. Все, что реально узнать. Имею ввиду, не ту, которая обозначена официально, а что-то более правдивое. – Я понимал, реакция майора может быть резко негативной, но с другой стороны, особо ничего не теряю. Тут – моя жизнь. Соответственно, и руки развязаны больше. Это не при каждом слове на деда оглядываться.

– Зачем тебе? – Николай Петрович прищурился, выискивая что-то подозрительное на моем лице.

– Хочу знать, как так вышло.

– Как, как... кверху «каком». – Матвеев снова оглянулся и осмотрел окрестности на предмет посторонних личностей. – Опасная просьба.

– А давайте договоримся. Вас же беспокоит моя... – Вслух

даже произносить тяжело. – Моя жена беспокоит. Верно? Если не уgomонится, то проблем будет нам обоим. И мне, и Вам. Мне, ясное дело, побольше, однако, участкового эта ситуация тоже коснется. Тут к бабушке не ходи. Если вдруг чего, тоже спросят.

– Спросят, Симонов! Вот именно, что спросят! Скажут, как это ты, товарищ Матвеев, подвёл доверие партии? У себя под носом гнездо врага не увидел. А мне бы хотелось, тихо – мирно дослужить до пенсии. Потом на дачу уеду. Буду кроликов разводить. Ты и твои выкрутасы с большой вероятностью можете меня этой мечты лишить. Я, конечно, понимаю, твоя баба плетет, что ни попадя, потому и не хочу жизнь ломать тебе. Но там... там могут и не понять – Тихонов посмотрел сначала куда – то вверх, а потом на меня, так, будто я уже держал его воображаемых, но очень желанных кроликов под мышкой, собираясь с ними смыться.

– Вот! Поэтому есть такой вариант. Выгодный обоим. Помогите узнать про деда. Понимаю, конечно, дело Вам его в руки никто не даст, а если и дадут, то Вы мне его не покажете. Естественно. Но хотя бы в общих чертах. Как, что, почему? В ответ даю слово, что брошу пить и... ешкин кот... с женой помирюсь. Чтоб она больше никуда ничего не писала. Будет у нас идиллия, как в книжках. Даже круче.

– Правильно мыслишь, Симонов! – Участковый несколько раз хлопнул меня по плечу. – Очень правильно. Бабы они ж что... когда баба обласкана, так она на многое глаза закро-

ет. Ей про любовь – морковь пару слов сказал, и все. Жизнь станет, как штиль на море. По своей знаю. Приобнял, в щёчку поцеловал, а там, может, не в щёчку, так даже лучше, не мне тебя учить, что со своей бабой делать, и все, сразу никаких вопросов у нее. Ладно... Дед говоришь... Попробую.

– Спасибо, Николай Петрович. – Я протянул руку майору, предлагая скрепить нашу договоренность.

– Но! Ничего не могу пока сказать точно. Приложу усилия. – Тихонов пожал крепко мою ладонь, – А ты чего заинтересовался-то? Сколько лет прошло. Наоборот, вроде, забыть бы лучше. Твой же дед не из простых. В высшем эшелоне служил. Это мелким сошкам могли что-то с рук спустить, а чекисту, тем более герою войны, нет. Он же символом был. Понимаешь? Почти как Жуков. А в итоге... Попробую, в общем.

– Понять хочу, как оно вышло. Озарение снизошло.

Чуть по чуть картина начинала прорисовываться. Значит, война неизбежно случилась, как говорила Наталья Никаноровна. Не смог Тихонов этого изменить. А дед, выходит, принял непосредственное в ней участие, да ещё и героическое, раз участковый Иваныча в один ряд с Жуковым поставил.

– Озарение... – Матвеев покачал головой. – Скажешь тоже. Все вопросы то? Закончили?

– Нет. Библиотека у нас одна? Центральная? Ближе ничего такого нет? – Судя по образу жизни, который веду в новом

настоящем, думаю, Николая Петровича мой вопрос точно не удивит. Вот спросил бы, где ближайшая рюмочная, выглядело бы подозрительно. А тут – совершенно не нужная по идее мне вещь.

Из случившихся событий, благодаря которым началась вся эта муторная история, сделал один очень важный вывод. Чтоб понимать, надо знать. Вот попал я в 1941, и что? Дурак дураком. Потому как не соображал, что по чем. Время плохо знал, события тоже не особо, не считая основных, которые с войной связаны. В итоге, как слепой котенок, мордой по углам тыкался. А иной раз, даже меня тыкали, подозреваю не в углы, а туда, куда котят обычно тычут. И главное, на моей неосведомлённость некоторые хитрожопые сущности, да впрочем и чекисты, пусть неосознанно, в отличие от первых, неплохо играли. Что Ване в уши вольешь, то Ваня и примет за правду. Ну, уж нет. Такой ошибки больше не допущу. Значит, первым делом, надо получить как можно информации об этом настоящем. Библиотека – самый лучший вариант. И главное – без палева. Мало ли, решил гражданин просвещаться. Похвально. Никаких подозрений. Я, конечно, допускаю наличие интернета и гаджетов, хоть Советский Союз, а все же вряд ли он отстал в развитии, но неизвестно, как оно выглядит сейчас. У себя в квартире не заметил ни компьютера, ни мобильного. Может, я их пропил, бог его знает, но не ходить же по соседям с просьбой, люди добрые, дайте в сеть попасть.

– Библиотека? Симонов... – Николай Петрович наклонился чуть ближе и втянул воздух. – Пьяный что ли ещё?

Дежавю. Ситуация, один в один, как была. Только стояли мы в родном отделе. Эх... Не думал, что известие об отсутствии в моей жизни ментовки станет таким ударом. Всегда считал работу чем-то закономерным. А куда ещё я мог бы пойти? Но вот теперь, зная, что нет этого, ощущал прямо состояние большой утраты.

– Нет, товарищ майор. Я, как огурец. Вчера... – хотел сказать про деда, как и было, но потом осекся. Бог его знает, когда Иваныч умер. А то ляпну не рядом.

– Да я понял. Это же та самая дата. Его расстрела. Кто не знает ее. Она в учебниках прописана, как пример справедливой руки возмездия за предательство. Эх... Ведь героем войны был. Уважаемым человеком. Как он так то... Поминал? Не предполагал, что ты... – Матвеев замялся, не зная, как правильно выразить мысли, – Эх... В общем, думал гражданин Симонов совсем потерян для общества. На работу стал ходить через раз. А ты ведь сантехник, Вань, от бога... руки золотые у тебя. Потом спутался с этими... Им-то что? Украл, выпил, в тюрьму. У тебя, Иван, стержень есть. Глубоко, но есть. Как я просил, чтоб тебя в армию взяли. Но нет. Видишь, даже срочку исключили. Если с молодости правильно направить бы, то оно большой толк был бы... Думал, ты и не помнишь деда-то. А, видишь как... Поминал.

– Да. Немного.

– Понял. – Матвеев тяжело вздохнул, но потом словно щёлкнул тумблером, переключаясь на предыдущую тему. – Так а библиотека тебе на кой ляд?

– Говорю же, встал на путь исправления. Буду самообразованием заниматься. Сегодня библиотека и борьба с зелёным змием, а завтра – с гордо поднятой головой в светлое будущее.

– Аaaa. Ну, так это, да. Это дело хорошее. Образование, оно много значит. Ясень пень, ты не знаешь, где у нас библиотека. Она тебе сроду была не нужна. Как связался со шпаной, так с неблагополучными отираешься рядом. В центр двигай. Там на площади увидишь здание народного комиссариата, а левее – библиотека имени Ленина. Не промахнешься. Давай, Симонов, пойду я. У меня ваш двор самый проблемный. Но так-то ещё есть дела.

Матвеев кивнул, прощаясь, и направился к соседнему дому. Шел, не оглядываясь.

Я несколько минут смотрел ему вслед, опять думая о том, как, однако, должность участкового Матвееву в тему. Со всем другой человек.

Все, конечно, хорошо, но у меня, ни документов с собой, ни денег. Живу я на одном берегу, а центр, который мне нужен, на другом. Пешком не доберешься. Хорошо хоть в родном городе. Это тебе не по Москве бродить вслепую. Конечно, я знал, где библиотека. Она у нас и в моем настоящем одна имелась. Просто нужно было уточнить, в этом плане

изменений не произошло ли.

Развернулся и потопал обратно. Нужно вернуться в квартиру, взять все необходимое.

– Иван!

Тот из мужиков, который Леонид, окликнул меня, когда я уже был у подъезда.

– Слушай, такое дело... – Сосед подошёл близко, при этом несколько раз оглянувшись на товарищей, оставшихся за столом. – Там, в конце района, ближе к окружной дороге, лежит брусчатка. Бесхозная. Есть вариант. Нужно ее ночью в другое место перевезти. Не всю, конечно. Немного возьмём. Есть, кому предложить. Серёга из первого подъезда, на даче дорожки выкладывает. Так он возьмёт по двадцать пять рублей за штуку. Понимаешь, да?

– Бесхозная? – Я многозначительно поднял одну бровь.

– Ну... почти. Там стройка. Дом новый ставят. Да они не заметят даже. Мы не сильно много. Поможешь? В прошлый раз же с кирпичом спокойно все прошло. И наварились нормально.

Вот я молодец! Ладно, самогон могу понять. Но мне, похоже, и правда, если не в ментовку, так прямая дорога к темной стороне.

– Посмотрим. Матвееву обещал за ум взяться.

– О, как... Ну, давай сегодня разочек и все, потом берись хоть за ум, хоть за что другое. На здоровье. Дело не сильно мутное, но с остальными толку не будет. А ты уже парень

проверенный. – Леонид наклонился ближе и зашептал мне практически в ухо, как совсем недавно Матвеев. – Ты подсоби, а я тебе взамен помогу. Ты же знаешь, моя кобра с твоей гадюкой дружат. У них, что ни вечер, так пленарное заседание серпентария. Последнее время часто Толика вспоминают. Если Ксюха удумает с ним спутаться, я, конечно, сильно сомневаюсь, что Толик дурак настолько, но мало ли, бабы они хуже вражеской разведки, так ты самый первый узнаешь. А тут уже расклад другой выходит. Тут она уже со своими жалобами задницу подприжмет. Потому как семья – ячейка общества. Главная! Адюльтер дело наказуемое. Ее саму тогда нормально пропесочат. Тем более – женщина, мать и верная подруга.

– Я тебя понял... Ладно. Давай так. Сегодня помогу, но на этом все. Хорошо? Договорились?

– Лады!

Сосед кивнул мне с заговорщицким видом и пошел обратно к мужикам. А я направился в подъезд.

По квартире долго лазить в поисках нужного не пришлось. В одном из отделений «стенки» обнаружилась небольшая коробочка из-под конфет монпансье, там, сложенные вдвое, лежали несколько купюр, номиналом три, пять и десять рублей. Во как... Жизнь у нас, в социалистическом настоящем, похоже, совсем не дорогая. Имелись еще железные копеечные монеты. Подумал, а потом сгреб все это богатство в карман. По факту разберемся, что по чем. Но, в

принципе, если бы не своя собственная судьба и не обгаженная мною жизнь Иваныча, то не настолько уж плохое здесь настоящее. А в чем-то даже очень ничего. По крайней мере, на первый взгляд. Дальше – будем посмотреть. Сейчас меня интересует история родной страны. Такая или не такая, но страна моя. Надо разобраться. Будем действовать по мере поступления проблем.

По идее, район, в котором я жил, был и не старым, и не новым. На месте домов, некогда построенных для работников Авиационного завода, которым наш город, вроде теоретически гордился, хотя в моем настоящем гордиться там было уже нечем, потом выросли новые застройки, куда заселялись все подряд. Судя по тому, что я мог наблюдать, когда отошел от родного двора, так оно и оставалось. Пятиэтажек очень мало, большую часть района составляли девятиэтажные в четыре – пять подъездов дома. С любопытством вертел головой. Ну, хоть что-то внешне будет отличаться радикально? Нет. Ни черта подобного. Один в один. Может, невидимые глазу детали и есть, но память на них не реагирует.

Даже ближайшая остановка находилась на привычном месте. Только вместо автобусов, как оказалось, теперь ходили трамваи и троллейбусы. Это не стало неожиданностью. Помню, в раннем детстве так и было. Позже, где-то к концу 90-х просто их убрали, дороги расширили, оставили маршрутки. ПАЗики, которые, в отличие от технического прогресса двигаться вперед точно не хотели. Я ездил на таком автобусе

в пятнадцать лет, в двадцать пять, и при okazji в тридцать три, если выходило отправиться куда-то без машины.

Увидев приближающийся к остановке троллейбус, перешел на бег, чтоб успеть прыгнуть в транспорт и не ждать следующий.

– Скажите, сколько стоит проезд? – Спросил в приоткрытую дверь у женщины, которая уверенно крутила руль. Та в ответ покосилась с неодобрением, будто я сделал что-то очень неприличное в общественном месте, но ответила.

– Пять копеек стоит.

Протянул монету, вынув ее из кармана. Женщина взяла деньги одной рукой, второй продолжая мастерски маневрировать на своем троллейбусном лайнере среди машин, которых, между прочим, было в разы меньше привычного. Я хотел было пройти вглубь, но она окрикнула.

– Эй! А билет? Не нужен?

Забрал клочок, оторванный от общей билетной ленты и уселся на ближайшее свободное место. В транспорте людей тоже было немного. Вспомнились слова Матвеева о тунеядцах. Видимо, сейчас рабочее время и порядочные граждане находятся там, где должны – на рабочих местах.

Пока ехали с левого берега на правый, смотрел в окно, соображая последовательность своих действий. То, что оставлять все, как есть, нельзя – однозначно. Так опасался навредить деду в 1941 и в итоге не просто навредил, а вообще сделал из него врага народа. Вина моя, это не вызыва-

ет ни малейших сомнений. Теперь образ мышления значительно отличается от прежнего, допускаю вообще все, любые варианты, даже те, которые вызывают сомнения в собственной адекватности. Соответственно, логично предположить, в своем прошлом Иваныч книгу либо вообще чекистам не отдал, правда, тогда не пойму, почему остался жив-здоров и нормально себя чувствовал, либо отдал, но не майору государственной безопасности. А кому? Берии? Лично в руки? С какой стороны не посмотри, в любом случае накосячил я сильно. Теперь Симонов Иван Иванович – герой войны, не знаю, что он уж там сделал, если, как говорит Матвеев, его в учебники истории внесли, но зато расстрелян за измену родине. Даже если бы дед героически погиб, это не было бы настолько ужасно. Потому как уж что-что, а страну он никогда бы не предал. Та-а-а-ак... А ведь действительно. Страну он бы никогда не предал. Это так же верно, как то, что я... Хотел сказать, так же верно, как то, что я – Симонов Иван Сергеевич, но не буду столь однозначно о себе. Каждый новый день преподносит сюрприз.

Соответственно, и это мне кажется более вероятным, деда тупо «слили».

Троллейбус уже переехал мост, мы двигались по центральной улице и, по идее, моя конечная цель – следующая остановка. В этот момент внимание привлекла группа детей, которая остановилась у пешеходного перехода, ожидая нужный им сигнал светофора. Ребята были, как с картинки. Бе-

лые рубашки, заправленные у мальчиков в брюки, у девочек в юбки, пионерские галстуки, школьные рюкзаки на плечах. Но главное не это. Их сопровождали две молодые женщины, скорее всего, учительницы. Одна стояла к дороге лицом, а вторая – почти спиной. И вот вторая как раз, при том, что пока я не мог разглядеть ее целиком, только видел симпатичную задницу, обтянутую брюками, с внешним видом тут все нормально, привычно, и русую косу, спускающуюся между лопаток, очень сильно вдруг показалась мне знакомой. Осанка, поворот головы, манера держать спину прямо, будто она балерина у станка. Троллейбус остановился, дети двинулись вперед и незнакомка повернулась передом.

– Лиза... Лиза?!

Я вскочил на ноги, а потом, как ненормальный, кинулся к средней двери, которая, что вполне логично, была закрыта. Метнулся в сторону передней, попутно требуя выпустить.

– Гражданин, вы в своем уме? Мы посреди проезжей части. Нет, конечно! Ждите, сейчас будет остановка. Я за Вас отвечать потом не хочу.

Женщина-водитель была категорична.

– Вы не понимаете! Там человек. Девушка. Она мне очень нужна. – Я от бессилия пару раз ударил по закрытой двери троллейбуса.

– Всем что-то нужно. А я – работаю. Так что прекратите хулиганить. Вон остановка. Там и выпущу.

Естественно, пока светофор снова дал сигнал для машин

и транспорта, пока троллейбус подъехал к стеклянной будке, где стояли люди, пока я выскочил на улицу, там уже не было ни детей, ни Лизы.

— Черт, черт, черт... — пробежал вперед, потом вернулся назад. Без результата. С одной стороны — парк, с другой — жилое здание с аркой. И везде — пусто.

То, что не обознался и это — блондиночка, мог бы дать руку на отсечение. Да что там руку. Голову. Ее не перепутаю ни с кем и никогда. Вопрос в другом, какого черта? Почему она тут? Ей по всем параметрам должно сейчас быть больше ста лет. Но уж на данный возраст она точно не выглядит. С другой стороны, и это несомненный плюс, если где-то бродит Лиза, значит, можно рассчитывать и на остальных членов веселой компании. Данный факт сильно обнадеживает. Потому как от мысли, что мне пришлось бы, к примеру, вызывать демонов, а способ я слышал только один, от них же, в котором задействовано тринадцать убийств, становилось слегка не по себе. Ой, да что я вру. Охренеть, как не по себе. Быть маньяком я тоже не готов. А бегать по городу в поисках кого-то способного помочь в столь щепетильном вопросе — это уж совсем из ряда вон. Не в газету же объявление давать или по телевизору бегущей строкой. Так и так, требуется ведьма, имеющая любые связи с дьяволом и его друзьями.

Как бы то ни было, сейчас в любом случае нужно добрат-ся до библиотеки, дальше будет видно.

Глава 3

Я перешел дорогу, оглядываясь по сторонам в надежде, что судьба все же будет ко мне благосклонна и блондиночка снова появится где-то поблизости. Судьба благосклонна не была, в последнее время ей явно класть на меня, блондинки, правда, проходили мимо, но все не те.

Ещё меня сильно волновало, как я сам отреагировал на девчонку. Это напоминало ощущение... наверное, огромной радости и облегчения. Безумно был рад ее видеть. Погано. Совсем погано. Нет, я влюблялся, конечно, по молодости, когда в голове было много глупых мыслей. Но это уж совсем по молодости. Лучшая девочка в классе и вся подобная чушь. Ходили за ручку, провожал ее домой, целовались в подъезде. Потом повзрослел и как-то оно вышло на другой уровень. Встретились, познакомились, пообщались, секс. Учитывая, что женщины очень сильно склонны к самообману, и в большинстве случаев после первой же близости, пока ты храпишь, отвернувшись к стенке и не имея понятия о нависшей над головой угрозой, они уже придумывают имена вашим детям, предпочитал сразу ставить границы. Проводить время с вами, девочки, приятно, но не более. Семью всегда хотел иметь исключительно по своему выбору, а не потому, что «так вышло».

С девчонкой было как-то иначе. Опасно было, что там гре-

ха таить. Все бы ничего, можно и из стервы сделать человека, если сильно постараться. Но блондиночка якшается со всякой потусторонней хренью. Первый момент. И это тебе не подружки, которых можно тактично из дома проводить. Задумавшись, на секунду, представил, как мы с Лизонькой накрываем стол, а к нам гости пожаловали – Наталья Никаноровна и Белиал. Аж зателепало от такой перспективы. Второе – мы теоретически существуем в разных временных точках. И это самое главное. Тут, наверное, стандартное «к тебе или ко мне» вряд ли прокатит. Короче, нет у нас будущего. Вот так, если коротко.

В итоге решил пока не забивать себе голову ещё и этими мыслями, а потому собрал всю волю в кулак, временно выгнал образ блондинки из памяти, и направился к библиотеке. Все, как, сказал Матвеев. Слева от здания, где в моем настоящем должна быть городская администрация, находилось столь необходимое мне сейчас заведение. На самой же администрации, теперь имелась табличка, которую не увидел бы только слепой, с веселыми словами «Народный комиссариат внутренних дел». Я не стал задерживаться рядом с этой волнующей душу организацией, и поторопился войти в библиотеку.

Внутри было тихо и прохладно. На фоне изрядной жары, это очень радовало. За столом, прямо у входа, сидела женщина интеллигентного вида, в очках.

– Здравствуйте. – Произнесла она красивым, мелодичным

ГОЛОСОМ.

Я вежливо пожелал ей того же, в конце концов, мы люди приличные, а затем поинтересовался, как бы попасть к знаниям, особенно интересуют вопросы истории. Она также культурно указала направление, предварительно попросив паспорт и оформив мне читательский билет.

Нужный зал оказался прямо на первом этаже. Это прекрасно. Просто ко всему прочему, я физически чувствовал себя очень отвратительно и с каждым часом это становилось все ощутимее. По-русски говоря, накатило желание накатить. Именно так. Похоже, прибухиваю я и правда не мало. Тело по привычке жаждало холодного пивка, как минимум, а мозг категорично с потребностями тела был не согласен. Приходилось как-то держать себя в слегка трясущихся руках.

Просторная комната, в которой несколькими рядами ушли вдаль столы, встретила еще бóльшей тишиной. Хотя, почти все места были заняты. И вот не поймёшь, то ли это работники науки, то ли тунеядцы шифруются. Меня слова Матвеева про тунеядцев тронули до глубины души просто. Крепко запомнились.

Кстати, многие сидели с ноутбуками, еле слышно щелкая по клавишам. Прогресс, чтоб его, не остановит ничего.

Сразу, как только переступил порог, из-за стойки показалась девушка в строгом костюме, юбка которого была значительно ниже колена, с волосами, собранными в высокий пу-

чок. Все по-деловому, официально. Дресс-код, наверное.

– Чем могу помочь?

Хотел бы ей ответить, что лично она ничем помочь не может, а ту, которая реально могла что-то сделать, я только что бездарно просрал, но это, конечно, от избытка эмоций. Поэтому просто спросил, могу ли я получить информацию по периоду с 1941 по сегодня.

– Вас интересуют книги или более удобно в цифровом варианте?

На секунду задумался. Интернет, а так же все связанное с ним буржуйство, удобно, это – факт. Но я, как и в случае с домашним интернетом, понятия не имею, привычно ли оно тут сейчас работает. Поисковики, программы и так далее. Сяду, включу, а потом буду тупить, как дурачок. Спрашивать тоже ведь не будешь каждый раз. Нет, книги они надежнее.

– Если можно, хотелось бы бумажный формат.

– Конечно. Присаживайтесь. Сейчас принесу.

Девушка удалилась в недра своего библиотечного царства, а я выбрал единственный незанятый стол и принялся исподтишка разглядывать посетителей. Люди, как люди. Ничем особо от прежних современников не отличающиеся. Пожалуй, единственное, на что обратил внимание, некоторые имели значки на одежде. У мужчин они крепились на лацканы пиджаков, у женщин – прямо на блузки или верхнюю часть платья. Детально рассмотреть не было возможности,

не подходить же мне к незнакомым гражданам впрытык, но похоже на серп и молот. Интересно, что это такое.

– Вот, пожалуйста. Вас, я так поняла, интересует общая информация, поэтому монографии известных историков по данному периоду не предлагаю, так же, как и протоколы заседаний или документальные сведения. Если вдруг все-таки захотите углубиться в вопрос, скажите. Я подберу более подходящие варианты.

Работница библиотеки, возвращение которой было каким-то слишком бесшумным, улыбнулась и положила передо мной несколько книг. Учебник истории для десятого класса, Общая история нового и новейшего времени, Отечественная история... Да уж... Видимо, я не показался ей слишком умным, решила, достаточно самого простого и предельно доступного для понимания. Потом вспомнил, как сейчас выгляжу, и успокоился. Привыкай, Ваня, нет больше того обаятельного, способного «поиграть мышцой» парня, на которого дамочки легко обращают внимание. Теперь ты сантехник – алкоголик во втором поколении. Хоть не поперли с порога, и то слава богу.

Открыл первую книгу, нашел необходимый период и погрузился в изучение.

Собственно говоря, ничего слишком удивительного не происходило до конца войны. Это если брать в масштабах государства. Все было ровно так, как должно быть. Битва под Москвой, Блокадный Ленинград, Сталинград, взя-

тие Берлина, парад Победы. А вот потом, спустя почти десять лет... 5 марта 1953 года генеральный секретарь коммунистической партии товарищ Сталин скоропостижно скончался, но успел оставить приемника – Лаврентия Павловича Берия. Ох, как неожиданно, хотел бы я сказать, но, конечно, никакой неожиданности не было. Честно говоря, более удивительно, что Берия так долго ждал. У власти этот человек пробыл недолго, в 1955 внезапно открылись некоторые моменты его прошлого, генеральному секретарю непозволительные. В учебнике подробно это не расписывалось, было лишь сказано, мол якшался товарищ Берия с врагами и это стало причиной того, что Лаврентия не только быстро с должности сняли, арестовали но и... тадам!.. расстреляли. Упоминался, кстати, некий Рафаэль Семёнович Саркисов (привет Кавказцу), личный водитель и охранник, который стал главным свидетелем, подтвердившим информацию. Комплект там был, конечно... От работы на разведку другой страны ещё сразу после революции, до, прости Господи, банальных связей с женщинами в формате доминирования, на которое сами женщины, как бы не были согласны. Короче, проще говоря, имел Лаврентий, как внезапно выяснилось, склонности к насилию. Грязь, я так понимаю, полилась очень внезапно и со всех сторон. Странно, что Берия, бывший нарком, на тот момент генсек, вообще допустил такой поворот. Хотя... Меня терзают смутные сомнения, просто для Лаврентия настал час расплаты. Хотел власть – по-

лучил. А теперь давай, держи счёт.

Ладно, с Берией понятно. Следующим после такого вопиющего, громкого и очень грязного дела, пришел к власти Хрущев. Ок. Тут все по плану. Его я помню. Фееричная сцена с туплей, которой он лупит по трибуне во время заседания ООН, сделала его знаменитым даже для потомков, особо историей не интересующихся. Но дальше события совершили очередной рывок в сторону. Никита Сергеевич, спустя каких-то три года, недолго они все задержались, утонул. Я перечитал эту строчку несколько раз. Утонул? Отдыхая в Крыму, товарищ генсек за каким-то чертом в ночи решил принять морские ванны. Конечно, в тексте это было описано менее колоритно. Сухое – трагично погиб во время рабочей поездки. И тут к власти пришел мало кому известный тоже Никита, но Пахомович.

Появление фамилии Тихонова я, конечно, ждал. Не просто так висит портрет в моей квартире. Допускаю, что может быть, благодаря долгому, тернистому пути и добросовестной работе на благо партии, страну возглавил буквально недавно кто-то из его потомков, к примеру, внук, но вот, честно говоря, в естественный, долгий путь верилось с большим трудом. Точно знал, власть захватил он сам.

Бывший майор государственной безопасности страной руководил справедливо и правильно. Чуть не заплакал, читая эти строки. По крайней мере, так утверждал учебник. Без

малого, аж до 1992 года. Несомненно, некоторые моменты действительно заслуживали похвалы. Был Афган, но мы там справились, правительство задержалось у руля. Тем более, просоветское правительство. Объединение Германии осталось лишь мечтой, в первую очередь для самой же Германии. За что нас люто ненавидел весь Запад. Не случилось 1991 и развала Союза. Его просто даже быть не могло. Именно Тихонов прикрыл «комитетчиков», а потом вернул систему, работавшую до войны, в первую очередь, народный комиссариат. Ностальгия, наверное, замучала. Это если в шутку. А если серьезно, прикинул Никита Пахомович одно дело к носу, да и решил, страна наша большая, специфическая, чтоб не возникало всяких настораживающих прецедентов, руководить ей нужно строго. Но справедливо. Степень справедливости, конечно сам он и определит, однако, при Тихонове, спустя пару десятилетий, появились понятия свободы слова и свободы мысли. Другой вопрос, что границы этих свобод были четко обозначены. Судя по описанию, НКВД нового формата уже не был налаженной машиной страха, но и держал в тоне граждан, несомненно.

Прикинул, сколько же Тихонову было на момент окончания карьеры лет, и чуть не присвистнул. Долгожитель, однако, оказался.

Тридцать с гаком годиков бесценно на посту генсека. Неплохо...

Затем, после смерти отца, что удивительно, естественной

смерти, на посту его сменил сын. Никита Никитович Тихонов. Креатив, конечно, полнейший с именем для ребенка у майора вышел. Вот прямо не заморачивался. Он же, то бишь сын, по сейчас продолжает руководить партией и страной.

Общую информацию я просмотрел по диагонали, если честно. Нужно было приблизительное понимание, его и получил. Хотя, решил, один из учебников взять с собой. Надеюсь, это не вызовет проблем. Дают же здесь некоторые экземпляры на руки. Почитаем более детально, потому как однозначно это пригодится.

В принципе что-то подобное увиденному и ожидал. Особо ничего удивительного не обнаружил. В большей мере меня, конечно, интересовал дед. Вот тут я немного прибалдел.

Честно. Потому как полученная из учебника информация вызвала у меня ступор. Да, Иван Иванович Симонов прошел войну. Отличился кучей героических поступков, начиная с битвы под Москвой.

К моменту начала этого, условно говоря, события, ситуация для советских войск была крайне сложной. Немцы глубоко вторглись в пределы СССР, были захвачены Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, существенная часть Украины, блокирован Ленинград, достигнуты дальние подступы к Москве... Фашисты изначально планировали взять Москву в первые недели войны, но этого им не удалось. Тогда была подготовлена крупная наступательная операция под названием «Тайфун». Суть плана состояла в том, чтобы мощными

ударами танковых группировок с трех направлений расчленили оборону и уничтожить основные силы Красной Армии.

Началась битва 30 сентября 1941, а закончилась 20 апреля 1942. Семь месяцев... Твою ж... Как наши выдержали и выстояли?

При том, что немцы прорвали оборону, взяли в окружение несколько армий различных фронтов, что бои к ноябрю велись чуть ли не в самой Москве, на ближних подступах уж точно, Красная армия смогла перейти в контрнаступление.

Имя деда упоминалось в связи с тем, что в декабре 1941 года он выполнял обязанности политрука. Как так вышло, не объяснялось. Вообще сведения об Иваныче довоенного времени отсутствовали. После гибели командира роты дед принял командование подразделением. Наступая в нужном направлении, он нашёл проход в минном поле противника и через него ввёл свою роту в прорыв.

Бойцы захватили немецких противотанковые орудия, пулемёты и развернули это трофейное оружие против врага. Судя по описанию событий, дед лично вёл огонь из немецкой пушки, обеспечив дальнейшее развитие контрнаступления красноармейцев на этом участке.

Это был его первый, можно сказать, подвиг. Далее, на протяжении последующих лет войны, фамилия Иваныча всплывала неоднократно. Я однозначно решил прихватить уже все три книги с собой, хотя бы ради того, чтоб изучить каждый его шаг. Не знаю... Чувство такое было... Читал и прямо

слезы на глаза наворачивались. Гордость, переживания, все подряд, наверное. Я знал, что дед воевал. Но как-то не вникал, как и во все остальное, касающееся его жизни. Теперь же каждый факт участия Иваныча в войне пробирал до глубины души.

Однако, естественно, более всего меня поразили финал его жизненного пути в новом, измененном варианте. Деду предъявили обвинение в организации заговора против... Хрущева. То есть, прямым текстом никто не связывал два события: ночное купание генсека и арест товарища Симонova, однако, у любого человека при прочтении информации, вставал логичный вопрос: сам ли утоп Никита Сергеевич? Потому как арестовали Иваныча ровно через неделю после этого события. То есть никаких других заговоров он бы устроить уже не мог по причине скоропостижной кончины генсека. Однако, при этом, прямого обвинения в причастности к трагичному событию не было. Просто вот один факт, вот – другой. Немного не стыкуется? Ну так пристыкуйте, постарайтесь. А самое главное – тем, кто, так сказать, выдвинул обвинение и подписал приказ об его аресте, был Никита Пахомович Тихонов, пока ещё не утвержденный в должности.

Я закрыл книгу и уставился в одну точку. Дурацкая привычка делать так во время особо активного мыслительного процесса. Со стороны смотрится, будто я заснул с открытыми глазами.

– Извините. Будьте добры... – Помахал рукой работнице библиотечного зала. – Я могу взять эти книги с собой?

– Конечно, я только запишу их в Вашу карточку и внесу в компьютер.

Девушка что-то пометила в маленьком блокноте, который, как фокусник, вытащила из кармана пиджака, потом исчезла на пять минут, а затем вернулась довольная и счастливая, сообщив, что теперь я имею законное право выносить данные экземпляры из здания библиотеки.

– Чудно! – Поблагодарил эту приятную особу, подхватил книги под мышку и направился к выходу.

Очень надо, чтоб Матвеев узнал информацию по делу Иваныча. Решится или нет Николай Петрович – первый вопрос. Позволят или нет Николаю Петровичу – второй вопрос.

Пока что в любом случае лично мне нужно отправиться обратно в квартиру и почитать ещё. Тут же вспомнил о жене... Надеюсь, ее до ночи не будет.

Глава 4

Библиотеку покинул в состоянии глубокого философского осмысления превратностей судьбы. С одной стороны, много узнал ожидаемого и закономерного, подтвердившего мои подозрения, с другой – лучше бы не знал ничего вовсе.

Иваныча подставили, это сто процентов. Он никогда не стал бы предателем. Исключено. Как он сам говорил, у каждого есть цена. Так вот его цена за предательство партии или того, кто стоит у ее руля, несоизмерима. Я не могу представить, кто способен ему эту цену предложить, а главное – в каком эквиваленте.

Пусть дед никогда не вел со мной душевных бесед, пусть мы не были близки, как должно, однако, даже отталкиваясь от минимального знания, которое о нем имею, он слишком твердолобый, упрямый, чтоб выбрать один путь, и потом внезапно свернуть на другой. Характер не тот.

А заговор против генсека – вообще из области фантастики.

Кстати, о фантастике. Попросил милую девушку выдать ещё до кучи художественную литературу, где бы главный герой перемещался во времени. В ответ получил удивленный взгляд и два произведения: Джека Лондона «Межзвёздный скиталец» и Герберта Уэллса «Машина времени». Вторым вопросом, который задал этой книжной фее, стала тематика

демонов, дьявола или чего-то подобного. Взгляд из удивленного превратился в сомневающийся. Ясное дело, не думаю, будто честным гражданам свойственно интересоваться подобным. Однако, профессионализм взял верх над подозрением, и к уже существующим экземплярам добавился ещё один – Булгаков «Мастер и Маргарита». На обложке были нарисованы несколько персонажей, но более всего среди них мое внимание привлек здоровый черный кот. Везде, сволочь, отметился. Даже в советской литературе.

В итоге, из библиотеки топал, как школьник в начале учебного года, со стопкой книг, нести которую было, между прочим, очень неудобно. Ни сумки с собой, ни портфеля, ни завялящего пакета. Я же не ожидал, что возьму все это домой. А изучить, однозначно, надо более подробно.

Прямой наводкой направился к остановке, стараясь по дороге не растерять интеллектуальное богатство. Его ещё необходимо будет вернуть на место, в библиотеку. Нужный троллейбус подошёл практически сразу. Запрыгнул, отдал пять копеек за проезд, а потом с облегчением плюхнулся на свободное сиденье. Время перевалило далеко за обед и приближалось где-то к семи вечера.

Движение на дороге стало более насыщенным, хотя, привычных для современности пробок все равно не наблюдалось. У них, наверное, просто меньше машин. Но я, честно говоря, особо не обращал внимания на то, что творилось за

окном троллейбуса. Снова задумался о Лизе. Она, выходит, тут. Не мог я ошибиться. Не мог.

Если рассудить логично, вряд ли девчонка потащила кучу детей, за которых учителя отвечают головой, с одного конца города на другой. Она, конечно, с причудью, но совсем не практично, даже из соседнего, в другой район идти с подопечными пионерами.

Теоретически, значит, там, где я их увидел, должны быть школы или школа. Нужно просто узнать, где именно, а потом пройти по учебным заведениям. И все же... учительница? Это как если бы кошка взялась заниматься досугом мышки. Девчонка имеет очень сомнительные связи с очень сомнительными личностями. Ее к детям никак нельзя. Может ли быть так, что на улице мне встретилась просто сильно похожая родственница? Не знаю. Не уверен ни в чем и ничего отрицать нельзя. Однако... Я ее как-будто чувствую. Смотрю и точно понимаю, Лизонька.

В любом случае, этот вопрос оставлю до завтра. Утром отправлюсь на поиски блондиночки.

Задумавшись, не заметил, как оказался в своем районе. Вышел из троллейбуса и, не торопясь, направился, к дому.

Во дворе народу оказалось в разы больше, чем днём. Пацаны играли в футбол, дети помладше – ковырялись в песочнице на детской площадке, расположенной в стороне от стола, где обосновались местные любители домино, а у подъездов на лавочках, наконец, сидели те самые бабушки. Да-

же жить стало легче при виде их. Раз они тут, значит, конец света откладывается. Бабушки на лавочке – это символ стабильности и покоя. Хотя, некоторых так язык не повернется назвать, скорее женщины средних лет. Мое появление они встретили гробовым молчанием. Только что говорили, обсуждали какие-то свои важные темы, но едва заметили меня, топающего к подъезду со стопкой книг, моментально умолкли. Причем, лица у них были, словно каждая увидела нечто сильно шокирующее. Буквально застыли изваяниями, а потому со стороны смотрелись, как монументальная группа – «Честь и Совесть двора».

– Добрый вечер. – Культурно поздоровался. Это – очень опасные, но очень нужные личности. Их надо уважать, причем наглядно, демонстративно. Они знают все, всегда и о всех, вплоть до цвета трусов особо ненавистой соседки.

Женщины одновременно кивнули в ответ, при этом, глядя на меня все с тем же выражением лиц, которое сложно было подогнать под четкое определение.

– Иван... А чё это? – Одна всё-таки не выдержала.

– Где? – Оглянулся в поисках предмета, ставшего причиной интереса.

– Да вот же! – Она ткнула пальцем в книги.

– Это, Никитишна, учебники. Видишь, Иван решил... – Вторая соседка принялась перебирать губами в поисках подходящих вариантов, но их у нее, похоже, не нашлось. – Иван, а что эт ты решил?

– Да ничего. Вот, почитать хочу. Занимаюсь самообразованием.

– Чем, чем? – Та, которая Никитишна, сдвинула летний вязанный берет на бок, освободив одно ухо и развернувшись им ко мне.

Ну, ясно. Началось представление. Сейчас они меня тут раскатают в блин.

– Решил стать порядочным человеком. Буду менять жизнь к лучшему. – На провокации поддаваться я не планировал. Знаю, как ведут себя эти дамочки. Имел честь, или трагедию, допрашивать одну подобную особу, лет восьмидесяти, в первый год работы в ментовке. Расстались мы через три часа. Она ушла довольная, что, наконец, хоть с кем-то поговорила и этот кто-то вынужден был по долгу службы ее слушать. Я же остался с нервным тиком и желанием убивать всех без разбора.

– Ох, ты ж смотри-ка... Неожданность... Это ты трезвый нынче, значит? – Подруга Никитишны прищурилась.

– Конечно! Больше ни капли! – Широко улыбнулся всем сидящим на лавке сколопендрам.

– Ох, Иван... Не давал бы ты поспешных обещаний... – Протянула Никитишна, а потом посмотрела куда-то мне за спину. Естественно, я оглянулся. По двору шла моя ненаглядная супруга, а рядом – точная ее копия, только годами постарше и грудью размера на два побольше.

– Ага. – Поддакнула товарка Никитишны. – Теща твоя по-

жаловала, тут грех не выпить. Для профилактики от яду.

Остальные соседки просто сидели молча, в ожидании представления. А они его реально ждали. Одна бабуля даже достала очки из кармана и напялила их на нос.

– Ва-а-а-аня-я-я... – Начала Ксения ещё не доходя до подъезда.

Господи, что ж она так мерзко произносит мое имя... Тянет его, как жвачку.

Я повернулся к этой парочке лицом. Теперь имелась возможность нашу мать рассмотреть во всей красе. Росту она была приличного, гренадерского. Выше дочери почти на голову. Размах плеч навевал мысли о команде по спортивной гребле, где ей, теще, уверен, были бы рады. Лицо не отличалось излишней привлекательностью и один в один напоминало лицо Ксении. Такие же блеклые, навывкате глаза, нос картошкой, светлые брови, подведенные темным карандашом и, конечно, грудь. На ней, на груди, в час тоски прилегли бы пара, а то и тройка особо утомившихся.

– Ваня, ну, что ты? Не рад? Смотри, к нам мама в гости приехала. – Ксения широким жестом указал в сторону родственницы.

Ване, если честно, вообще было глубоко плевать и на маму, и на саму Ксению. У Вани дед в предатели попал, а по городу бегает столетняя ведьма, которая ни на год не постарела. Поэтому Ваня молча развернулся и пошел к подъезд-

ной двери.

Бабушки разочарованно выдохнули. Видимо, спектакли, где в главных ролях выступало наше семейство, здесь были в чести.

В этот момент, соответственно законам жанра, во дворе появился ещё один человек. Молодой мужчина, в приличном костюме, с галстуком и портфелем в руке. Внешне, может, не красавец, однако, несомненно, вид имел представительный.

Бабушки снова выдохнули, но теперь это был звук ожидания. Похоже, начинался второй акт.

– Анатолий! – Радостный крик принадлежал нашей матери. Женщина – гренадер распахнула руки и двинулась навстречу человеку, который при ее виде сильной радости не выказал, а, вроде как, даже напрягся.

Соседки на лавочке одновременно повернулись ко мне, ожидая ответного хода.

– Здравствуйте, Елена Ильинична. – Мужчина не дал родственнице Ксении подойти ближе и слиться с ним в объятиях. Он резко выкинул руку вперед, именно резко и именно выкинул, словно хотел не предложить рукопожатие, а засадить моей теще в печень. Ну, хотя бы теперь знаю ее имя. Представляю реакцию, если бы я поинтересовался, как зовут нашу мать.

– Здравствуй, Анатолий! Прекрасно выглядишь. Как дела? Говорят, очередное повышение? Все же ты удивитель-

ный молодец. В достойном месте трудишься, не то, что некоторые... – Елена Ильинична каждую свою фразу сопровождала косым взглядом через плечо.

Все они, конечно, предназначались мне и по ее разумению, должны были жалить мое самолюбие, заставив его истекать кровью.

Мог бы сказать откровенно женщине, что плевать хотел на ее манипуляции, но с интересом продолжал наблюдать за этим увлекательным представлением. Не только я, кстати. Даже мужики за столом перестали лупить костью. Похоже, все ждали сцены в стиле «Кармен» или «Отелло», расценив нас с бедным Толиком, как соперников за сердце Ксении, которая при появлении бывшего ухажера, расправила плечи и принялась «стрелять глазами», в большей мере промахиваясь мимо нас обоих.

– Анатолий, ты заходи к нам. Мы тебе всегда рады. В любое время. Особенно Ксения. Вы же одноклассники. Школьные годы они – на всю жизнь.

К нам? Интересно. Квартира моя, куда это «к нам» женщина – гренадер зовёт Толика? Лично я вообще никому не рад. Дел невпроворот.

– Ладно. Вы тут вспоминайте школьные годы, а мне двигаться надо. – Открыл дверь, планируя войти в подъезд, но Ксения шустро подскочила, оказавшись волнительно близко. Волнительно – в смысле «не дай бог».

– Ревнуешь что ли? – Она своим мизинцем ухватила мой

мизинец и загадочно улыбнулась.

– Безумно! – Выдернул руку, а потом двинулся дальше. Как сказал Матвеев, дай бабе, что она хочет, и живи спокойно.

Кстати, по поводу Матвеева. С участковым надо было переговорить на предмет развивающейся брусчато-кирпичной мафии. Мужикам все равно особо сильно за это не прилетит. Уверен, Николай Петрович скорее всего навалит им люлей, проведет сто пятьдесят шестую профилактическую беседу, как и положено участковому, а мне факт сердечного признания очень даже сыграет на руку.

Поэтому бегом поднялся на нужный этаж, чуть не умерев при этом от напряжения. Черт. Так дело тоже не пойдет. Надо по-тихоньку себя в норму приводить. Сколько здесь пробуду, пока не понятно. Да и вообще. Дело принципа.

Пять лестничных пролетов, а я готов подавиться собственными лёгкими.

Заскочил в квартиру, положил книги на тумбу, стоявшую рядом с вешалкой, но потом подумал о двух гадюках и убрал драгоценные экземпляры в шкаф, который находился в спальне. Даже сверху вещей немного эстетично накидал. Книги им, конечно, даром не нужны, но ради пакости могут что-то предпринять.

Вышел обратно в подъезд и спустился на улицу. Все участники трагикомедии были на месте, однако, без главного зрителя, то есть меня, огонек из их выступления пропал.

Женщина – гренадер уже не смотрела на Толика с обожанием, а тот, бедолага, судя по несчастному лицу, не чаял, как уйти от нее живым. Однако, стоило мне появиться, Ксения сразу раскрылилась, Анатолий напрягся ещё больше, бабушки на лавочке довольно зачмокали губами.

Я быстро пробежал по соседкам глазами и выбрал самый достоверный источник информации.

– Никитишна, уж простите, имя забыл, где тут у нас место дислокации участкового?

Специально использовал такое пространное определение. Не понятно, о чем конкретно спрашиваю, то ли про отдел, то ли про адрес жительства. Бабуля не подвела и выдала оба. Кстати, участковый пункт находился там же, где и должен.

Я поблагодарил за помощь, а потом, обогнув Ксению, тещу и Толика, направился к Матвееву для доверительной беседы.

По дороге упорно продолжал рассматривать все попадающиеся на пути кусты. Что за гадская тварь этот кот. Вот сейчас я был бы ему очень рад. И ему, и Наталье Никаноровне, и Белиалу. А ведь подумать не мог совсем недавно, что так сильно захочу увидеть данных товарищей.

До нужного адреса идти было недолго. Буквально пять минут и я уже открыл дверь с табличкой «участковый пункт». Внутри оказалось пусто. Сначала, прямо у входа, имелась комната для посетителей, если можно так назвать, потом коридор уходил налево. Уже там значились два каби-

нета, один из которых не был закрыт и оттуда слышался голос Матвеева.

– Да. Я понял. Есть! Нельзя допустить лишних разговоров и паники. Да. Конечно, три убийства это уже совсем не смешно. Так я и не смеюсь, товарищ подполковник, это нервное. В моем районе история, от которой выть хочется.

Я медленно попятился назад, возвращаясь ко входу. Старался это делать максимально тихо, ещё лучше, вообще беззвучно. Интересный, однако, разговор. Николай Петрович обсуждает со старшим по званию то, что ему приказали скрывать от жителей, не допустив утечки информации. И речь идёт об убийствах. Вопрос. Если все, кроме меня самого и политической ситуации, осталось, как есть, не о моем ли маньяке идёт речь...

Приоткрыл дверь, а потом со всей силы, аж штукатурка с потолка посыпалась, хлопнул ею, чтоб майор точно знал, пришли посторонние.

Матвеев буквально сразу выскочил в коридор.

– Симонов! Что надо? Только виделись сегодня.

– Разговор есть важный. Очень важный. Думаю, Вам не понравится. Информация, можно сказать, секретная.

Участковый мгновенно напрягся.

– Тут видите, какое дело... Его, конечно, афишировать не стоит. Опасно. По головке не погладят...

Матвеев, несмотря на свой возраст и комплекцию, а он далеко не стройный юноша, скажем честно, оказался рядом

за одну секунду, и, сжав мое плечо, зашипел прямо в лицо.

– Откуда знаешь про убийства?!

Эх, товарищ майор, что ж ты такой... Ну... лох. Да. А иначе не скажешь. На пенсию пора, точно. Это же чистой воды психологический прием. Тема последнего разговора ещё сидит в голове из-за ее незавершённости. Ровно пять минут после внезапно прерванной беседы именно она, эта тема, является отправной точкой восприятия. Любой вопрос, не имеющий конкретики, мозг автоматически адресует к сигнальному маячку, который сам же себе и установил. Какие бы многозначительные фразы, кто бы сейчас не произнес, машинально участковый оценивает их в контексте насущной проблемы, потому что продолжает о ней думать. Вот так я хотел сказать, но, конечно, вслух озвучил совсем другое.

– Какие убийства, Николай Петрович? У нас?! Да Вы что? Кого убили? Женщин? Троих? Первая была найдена в посадке возле трассы. Вещи на месте. Ничего не украдено. Лежала, раскинув руки и ноги. На спине. Вырезаны глаза, рассечен рот, отсутствует язык. Вторая в таком же виде спустя меньше двух недель. Противоположный конец района. Там, где вырыт котлован. Третья – буквально несколько дней назад. Убийства – серийные. Вы про это?

Глава 5

Выпалил все одним заходом и замолчал, ожидая, пока участковый придет в себя и что-то скажет в ответ.

– Симонов... Кто тебе донес информацию? – Матвеева было жалко. Честно. Он выглядел, как человек с сердечной недостаточностью. Дыхание стало свистящим и с одышкой.

– Так видите в чем дело. Живу в другой реальности. Там я – мент. Расследую эти самые убийства. Поэтому и знаю.

Участковый на секунду завис, потом с пониманием хмыкнул, отпустил мое плечо и даже одним движением отряхнул смявшуюся ткань, расправляя ее.

– Очень смешно, Симонов. Обхохочешься просто. Юморист, смотрю.

Я в ответ тоже усмехнулся. Отличный вариант – в ситуации, когда не знаешь, что сказать, руби правду – матку. Чем она нелепее, тем больше вероятность, никто тебе не поверит. Сочтут за шутку. Заодно, сами придумают оправдание.

– Моя кому-то рассказала, да? Сколько раз говорил ей, бестолковой, не суй нос не в свое дело. Нет, ходит, подслушивает, а потом обязательно «по секрету» растрепет хотя бы одному человеку. Моя? Ну, говори.

Я сделал загадочное лицо и развел руками. Мол, додумайте сами, товарищ майор, намекая тем самым, что предположение его верное, но как порядочный человек в даму паль-

цем тыкать не могу.

– Да моя, конечно! Больше некому. Свидетели сидят тише воды, ниже травы. Собственной тени боятся. Первую девушку пацан нашел из училища. Бегать пошел утром, и наткнулся. Любитель здорового образа жизни, чтоб его. – Уточнение Матвеева выглядело донельзя глупо. Можно подумать, пацан в чем-то виноват. Или, не найди он труп, тот бы сам к обеду испарился.

– Вторую – собачатник. – Продолжал причитать Николай Петрович, – Псину свою выгуливал. Ну, а третью вообще дружинники. Вот. А подполковник говорит, смотри, чтоб никто не узнал, чтоб разговоров среди народу не было. Не будет тут, как же! Если под боком вражина сидит. Вчера ещё, главное, выпил когда водочки, сам с собой вслух сидел рассуждал. В кухне. Думал, спит. А она опять караулила. Ты хоть скажи, много людей знают?

– Очень мало. – Ответил совершенно честно. Потому как реально мало. Из простых граждан, не считая свидетелей, выходит, я один.

Матвеев удрученно покачала головой, а потом пошел обратно к своему кабинету, махнув мне рукой, чтоб я следовал за ним. Конечно же приглашение было принято.

– Ты смотри, Симонов, пока бабы что-то там буробят, это – сплетни. Когда мужик подобные истории рассказывает, это – информация. Понял, да?

Участковый сел за стол, я, естественно, скромненько на стульчик.

– Вот так вот. Три убийства... В нашем городе. В нашем районе. Это вообще, конечно... И главное, никаких следов. Понимаешь?

Конечно, понимаю. Сам чуть до инсульта с ними не дошел. Рядом с телами не было улик. Вообще никаких. Ни следов обуви, ни случайного волоска, ничего. Жертвы – то же самое. Под ногтями – земля. Кожа рук – ни царапины, ни синяка. Такое ощущение, будто женщины сами пришли на место гибели, сами с собой все это сотворили, а потом легли звездой и умерли. Ну, или некто таинственный умеет летать. Спустился с неба и туда же отправился, сделав свое паршивое дело. Хотя, в данном случае, жертвы должны были просто лежать и ждать, когда все закончится. Бред конечно.

– Понимаю. Вас напрягают сверху из-за опасений, что может начаться паника?

– Симонов, не может. Она начнется. Это первое. А второе, встанет закономерный вопрос, чем это у нас занимается милиция. У граждан встанет. У руководства он уже встал. Завтра ждём чекистов. Народный комиссариат подключили. В общем... хрен мне, похоже, а не кролики... – Матвеев тяжело вздохнул и подпёр щеку кулаком, грустно глядя вдаль.

– Николай Петрович, я, собственно говоря, чего пришел. Мы же днем говорили. Помните? Насчёт деда и моего ис-

правления. Так вот... Решил доказать свое стремление к порядочной жизни делом. Леня...

– Ну, нет... – Майор даже не дал мне договорить. – Филимонов. Опять? Только этого сейчас не хватает. Да что ж все сразу – то. Если катиться к черту, так до самого конца. Ну! Рассказывай! Чего молчишь?

– Так я говорю. Решили сегодня ночью брусчатку со стройки воровать. На нее уже есть покупатель. Но... тут подумал. Вы же обещали насчёт деда помочь. А я обещал бросить пить, и далее по списку.

Замолчал, демонстрируя участковому сильные муки совести, все же товарищей «слил».

– Ясно. – Николай Петрович снял фуражку с головы, положил ее на стол, а потом выдал. – Уволюсь, не дожидаясь пенсии. Иначе просто не доживу. Сдохну. Ладно. Информацию принял. Ситуацию понял. Будем решать. Иди домой, Симонов. Молодец, что пришел, что покался. Достойный поступок достойного гражданина. За них не переживай. Сейчас соберусь, пойду проведу по десятому разу. Накручу хвоста. Если что, про тебя говорить не буду. Скажу, птичка принесла в клювике информацию.

Ээээ... нет. Тут такие дела, а он меня отправляет осво-яси. Выходит, убийства есть. Снова. Значит, тот, кто затеял

это в моей реальности, то же самое делает и здесь. Очень вряд ли это разные люди. Специфика слишком узкая. Лиза же сказала, идёт подготовка к ритуалу, схожему с тем, который в свое время провел Мацкевич. И тут меня осенило.

– Николай Петрович, нужно выяснить за одного человека. Есть ли он в нашем городе?

– Симонов, ты совсем того? Чокнулся? Или обнаглел? Может, отправишь меня в магазин за «чекушкой» метнуть-ся? А? А чё нет то. – Матвеев схватил фуражку и решительно водрузил ее обратно на голову. – Ты края не путай!

– Вы не понимаете. Это очень важно. Очень. Если вдруг мое подозрение окажется небезосновательным, оно сильно может повлиять на ситуацию.

Черт, как же ему преподнести все? Вот тут невольно порадуешься, что Матвеев человек хороший, но немного глуповат, иначе не сидел бы в участковых, да и знаю я его не первый день. Что там, что здесь, он, в принципе, один и тот же. Был бы кто помоложе, пособообразительнее, не вышло бы у меня такого кардебалета, который провернуть собираюсь.

– Николай Петрович, тут такое дело... – Снова многозначительно закатил глаза и тяжело вздохнул.

– Симонов, ты мне это брось. Повторяешься. Что ещё? – Майор побагровел и вытер покрывшийся испариной лоб. Явно ничего хорошего от этой жизни он уже не ждал. Погоди,

Николай Петрович, сейчас я тебя прямо обухом по голове.

– Завербовали меня.

В комнате повисла звенящая тишина. Лицо у Матвеева было, будто он сейчас либо заплачет, либо встанет и даст мне в морду. Второй вариант менее вероятен.

– Кто?!

– Так чекисты. Пришел человек домой, сказал, надо бы к Вам проявить пристальное внимание. Мол, до пенсии всего ничего, есть некоторые вопросы. Подробно объяснять не стал. Сами знаете, они не объясняют. Но вроде как, если правильно себя поведу, то появится шанс снять пятно позора с фамилии.

Майор пристально смотрел на меня минут пять, а потом резко вскочил из-за стола и принялся расхаживать по комнате. Честно говоря, было его искренне жаль. Но когда на кону своя жизнь и жизнь деда, тут выбор очевиден.

– Так и знал! – Он подошёл к столу и со всей силы ударил кулаком по столешнице. – Чувствовал. Что эти сук... эм... эти люди моей персоной интересуются. Поди уже на здешнее место подходящего человека нашли. Эх... дожил...

Конечно, я пер по бездорожью, в наглуую, напролом. Но и сидеть в ожидании чуда можно бесконечно долго. Мне нужна информация и по делу, и по убийствам. Все это имеет большое значение. Маньяк приведет к демонам. Он ведь не

случайный человек, не от балды такие вещи страшные делает. Сто процентов прекрасно знает о ритуале и о том, в чем его суть. Соответственно, можно потянуть ниточку, которая даст возможность вернуться обратно в 1941. Что-то в этот раз никто не торопится меня никуда отправлять по своему желанию. А если ни Клетчатый, ни Наталья Никаноровна так и не объявятся? Или с Лизой все же вышло недоразумение? Мало ли. Может, глюкануло на почве увлеченности девчонкой. И как быть тогда? Оставить все, как есть? Ну, уж нет. Значит, я добьюсь, чтоб эта чертова Звезда Давида снова заработала.

– А почему ты меня тогда попросил узнать про деда? – Очень далеко в мыслях Матвеева все же проскочило, видимо, сомнение.

– Так чекисты могут правды и не сказать. Даже быстрее всего, не скажут. А Вы скажите.

– Эх, Симонов... – Участковый подошёл ближе, положил мне руку на плечо. – Спасибо, Иван. Что предупредил. Я этого ввек не забуду. Так а что ты говорил? Про человека? Кто такой?

– Хорошо бы узнать, не живёт ли в нашем городе кто-то с фамилией Мацкевич.

По сути, все это выглядело, как гадание на кофейной гуще. Но и выбора пока нет. Если наличие потомков Мацкевича подтвердится – это будет самый лёгкий путь. С моей

удачей – сомневаюсь. Если же людей с такими данными нет, будем думать дальше.

– Понял тебя, Иван. Хорошо. Договорились. С меня, значит, информация по двум вопросам, с тебя – сам знаешь, что. Хочу уйти нормально, с почестями. – Матвеев был серьёзен и сосредоточен.

– Хорошо, товарищ майор. Туда, – Многозначительно поднял глаза вверх, – Буду отчитываться, что все хорошо. Если возникнут вопросы, сразу к Вам.

– Сам не боишься?

– Боюсь. А как же иначе. Организация серьезная. Но ещё знаю, каково это, оказаться виновным. Хотя не на своем примере, личном, а все равно знаю. Потому захотел выяснить, что там было в деле. Да и с Вами мы уже сколько бок о бок. Все мы не без изъянов, но человек вы стоящий.

Мы с Николаем Петровичем посмотрели друг на друга долгим взглядом, потом встали одновременно и обнялись крепко, как два настоящих советских мужика. Мысленно же, на самом деле, попросил у него прощения. В этой реальности он и правда нормальный мент.

– Идём, Симонов. Я наведуясь к твоим товарищам, а ты шуруй домой. Отдыхай. Завтра по человечку твоему будет информация, тогда подробнее объяснишь, кто такой. – Участковый указал мне на дверь, и сам взял ключ, собираясь покинуть рабочее место.

Из участка мы вышли порознь. Так настоял Матвеев. Я, собственно говоря, не возражал.

На сегодня программа минимум была выполнена. Сведения, необходимые для первых шагов, успешно получены. Более того, ещё и нарисовалась поддержка в лице участкового. Неожиданно, но в этом несомненный плюс. Николай Петрович в моем сложном деле будет очень полезен.

Можно теперь идти домой и заняться изучением истории этой реальности на протяжении добрых восьмидесяти лет. Все равно данное занятие будет гораздо продуктивнее и приятнее, чем общение с членами моей, прости Господи, семьи. По Иванычу тоже нужно посмотреть, что ещё имеется. Каждый факт пригодится. Мне нужно максимально быть готовым ко всему.

Я направился к своему двору, чувствуя пусть небольшое, но удовлетворение. Сильно радоваться пока нечему, хотя, какие-то шаги уже сделаны.

На улице смеркалось. Люди расходились по домам, собираясь заняться семейными делами, чтоб готовиться к завтрашнему новому дню, поэтому прохожие на пути практически не встречались.

Интересно. Меня вернули, получается, в день, следующий после смерти деда. Обратно, по идее, нужно попасть туда, где я решил Тихонову отдать книгу. Думаю, это был неверный поступок.

Правда непонятно, Никаноровна утверждала, будто я должен предотвратить ошибку. То есть ошибкой, выходит, было решение Иваныча отдать эту дьявольскую вещь? И я тоже отдал. Или, наоборот, дед хотел не отдавать? А я напортачил. Твою ж мать... Голову сломать можно.

Ну, ладно. Хорошо. Если рассмотреть вариант, что дед книгу не отдал. Я исправил ситуацию. Вручил чёртову вещицу Тихонову. И?

Демонам какой от этого толк? От того, что я поступил иначе, чем Иваныч. Книга попала к чекистам, война все равно случилась, но Союз не развалился. Если не считать мою отвратительно сложившуюся жизнь и ситуацию с дедом, в остальном же все хорошо. Так оно выходит. Предположительно, даже лучше, чем могло бы быть. В этой реальности страна не знала периода перестройки и того, что началось после развала Союза. А это уже ого-го сколько значит. Я был маленький в начале десятилетия, но поздние девяностые все равно застал в более-менее сознательном возрасте. Несомненно, они оказались очень насыщенные, энергичные, и при этом очень опасные. Одни чеченские войны чего стоили. Людей сколько полегло. Да как глупо. Вспомнишь, вздрогнешь.

Так сложилось, имелась возможность один раз общаться с тем, кто в первую чеченскую попал. Причем, реально попал. В полном смысле этого слова. От того, что он рассказывал, вставали волосы дыбом.

Помню, во время стажировки, когда готовился стать снайпером, обратил внимание на одного из инструкторов. Было в нем что-то... специфическое, особенное, привлекающее взгляд. Пожалуй, и не объяснишь толком. Что именно, понял значительно позже.

Он повел нашу небольшую группу в лес. Это было первое занятие подобного плана. Не полигон, не наглядная мишень, а реально сложные условия, в которых зачастую, на самом деле, придется работать снайперу.

– Самая главная ваша цель – стать невидимым. – Инструктор стоял напротив нас в камуфлированной шляпе, надвинутой на самые брови. Званий обучающихся мы не знали, обращались по именам. И те не уверен, что настоящие. Этот представился Максимом. – Сейчас, в данный момент, вы все под прицелом. Где стрелок? Определите?

Мы принялись вглядываться, крутить головами, щуриться. Ничего. Пусто. Деревья, как деревья.

– Нет там никого. – Я ещё был полон безосновательной уверенности в себе и решил блеснуть дедукцией. Мне казалось, она у меня есть. – Вы нас проверяете просто.

– Да вот же он, прямо у вас перед носом! – Инструктор, усмехнувшись, рукой указал на рядом стоящее дерево, до которого приблизительно тридцать шагов, не такая уж густая листва, но я хоть убей никого там не видел.

– Нету? – лицо у него было серьезное, однако, по глазам

только дурак бы не заметил, что специалист смеётся над нами.

– Нету, – Я снова пожал плечами, совершенно уверенный в своей правоте.

– Серега, подай голос! – Инструктор, сложив руки рупором, крикнул куда-то в сторону леса.

Я хмыкнул. Разводит нас и дальше. Ну-ну. Считал себя уже опытным человеком, все же не один год спецназа и СОБРа за плечами.

– Чего? – Когда ответ прилетел из леса, нужно было видеть наши лица. Мы просто охренели. Выходит, реально снайпер здесь.

Но все равно не могли понять, откуда он отзывается. Даже направление звука проследить невозможно.

– Ну, ладно... Вот ты. Подойди – Инструктор, пробежав взглядом по нашему строю, поманил меня рукой. – Теперь смотри. А здесь есть кто-нибудь?

Мы обошли ближайшее дерево, проламываясь сквозь кустарник, я поднял голову – опаньки! – прямо надо мной, упираясь ногами в ствол, висел камуфлированный боец. Он смеялся глазами, да ещё помахал мне рукой. Ствол винтовки торчал прямо из дерева.

– Пока снайпер невидим – он жив, – Сказал Максим, – Даже после выстрела противник не должен его обнаружить. Вот смотри, стрелок забрался не абы на какое дерево, оно

стоит так, что звук от выстрела рассеется среди остальных растений и понять, откуда стреляли, будет невозможно. Ты же слышал, как он отозвался? Направление не угадал? То-то и оно. Невидимый, неслышимый – призрак. В первую очередь вы должны научиться не только стрелять, но и выжить.

Потом, спустя несколько дней, а было это 31 августа, как сейчас помню, вечером вышел на полигон. Настроение было какое-то тревожное. И вроде видимых причин нет, а маятно. Издалека заметил силуэт человека, сидящего на большом камне в самом конце территории. Подумал, кто-то из курсантов и, не сомневаясь, пошел к нему. Оказалось – Максим, тот самый инструктор. Он, даже не повернув головы, едва я приблизился, задал вопрос.

– Знаешь, какой сегодня день?

Конечно, ничего там никто не знал. О чем и сообщил без всякого стеснения. Мало ли, может, у него свой личный календарь памятных дат.

– День большого предательства.

Я лихорадочно принялся вспоминать, что же такого произошло. Наверное, лицо у меня при этом было очень выразительное.

– Не напрягайся. Вы не знаете. А те, кто знал, в большинстве, не помнят.

И вот тогда, на фоне садящегося за горизонт солнца, человек, учивший нас правильно убивать и остаться самим целы-

ми, рассказал мне то, что я никогда не знал. Лишь по причине отсутствия интереса. Ясное дело, факт первой чеченской войны, конечно, известен, но разве мы вникали в детали?

Глава 6¹

Не знаю, почему вспомнил ту ситуацию именно теперь, на фоне размышлений о своих фантастических перипетиях и правильности выбора в сложившихся обстоятельствах. Но вспомнил ярко, будто сейчас это произошло.

Максим тогда говорил вроде со мной, но в то же время, будто не со мной вовсе. Просто бросал слова в воздух, или, как «голыш» по воде. Он летит, прыгает, а от него круги в разные стороны. Вел диалог с теми, кого не было рядом. Вот такое складывалось ощущение. И собеседник ему не нужен, и уйти не уйдешь. Дурацкая ситуация. Я тогда сильно пожалел, что вообще подошёл.

– Это же время страшное по своей сути. То, что война на Кавказе неминуема было понятно и ясно. Проблемы возникали не только в Чечне. Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария – везде тлело то, что могло вспыхнуть в любой день. Сидели, как на пороховой бочке. Там формировались группы националистов. В открытую. Без стеснения. Через Грузию им отправлялись силы и средства. К примеру, чтоб ты понимал, существовали грузинские спецотряды Мхедри-

¹ События, о которых рассказал инструктор Максим являются художественным вымыслом автора. Выводы, сделанные инструктором Максимом – личные выводы автора об этом художественном вымысле и доказанным фактом не являются. Альтернативная история.

они, которые уже тогда подготавливали американские специалисты. И вот этих людей потом забрасывали в Россию. В Чечню, в частности. Тогда! Понимаешь. Не первый день нас пытаются обложить со всех сторон. Костью мы стоим в горле половине мира. Как же, территория огромная – непорядок. Головы склонять не хотим – не порядок. Гитлера остановили – опасно. Весь мир под него был готов лечь. Франция хваленая. И что? Сорок два дня продержались. Европа, твою мать. А мы сломали хребет. Боятся нас. И боялись. Всегда так будет. Но тогда все рушилось внутри. Внешний враг раскачивал страну, а эти... которые в тот момент у власти были...

Я тактично молчал, понимая лишь, что сидящему рядом человеку очень пакостно на душе и хочется выговориться. При том, что он, на секундочку, специалист определенного направления. Это насколько же данная тема должна быть для него болезненной, если волна пошла. И ведь не пьяный, чтоб в откровения удариться.

– Знаешь, как все выглядело в реальности? Хреново! Погранзаставы, стоявшие на границе Чечни и Грузии, фактически защищали сами себя. Сами себя. Тут уж не до родины. Небо над республикой тоже не контролировалось. Из-за бугра спокойно летели самолеты с боеприпасами и оружием. Это ещё хорошо, что появился, к примеру, тот же Рохлин, один из немногих, отнесшихся к назревающей заднице пра-

вильно. А задница назревала такая, что у сведущих людей свербило во всех местах. Только предотвратить этого не могли. Чинами не вышли.

Рохлин, понимая это только сейчас, спустя время, о грядущей чеченской кампании знал. Он начал делать то, за что над ним чуть ли не в лицо смеялись, обзывая паникером, — усиливать корпус новыми подразделениями. Мы готовили оружие, боеприпасы. Но самое поганое, я тебе скажу, к возникновению ситуации в Чечне привела именно Москва своими просто идиотскими действиями.

Ты не знаешь, конечно. Сколько там тебе лет было то? Но все газетенки России облагораживали дудаевцев, представляли их бескорыстными борцами за светлое будущее чеченского народа, а те, кто был против, обзывались марионетками, у которых новая власть «отбирает кормушки».

Когда начались митинги... Ну, там их оппозиция суетилась, Москва ни одним словом не откликнулась на ситуацию в республике, но зато Дудаев вслух, громогласно сказал, что он разговаривал с Ельциным, и тот якобы пообещал ему два полка МВД, чтобы те разогнали митингующих. И прикинь, Москва не опровергла его слова, вообще никак не отреагировала. Просто тишина. Все.

Максим замолчал, низко наклонив голову и внимательно разглядывая свои берцы, будто мог там что-то увидеть, способное опровергнуть его высказывания или подтвердить

их. Я вообще притих, плохо понимая, как себя вести. Беседу поддержать или, первая мысль была все же верна, просто выслушать. Однозначно, несмотря на секретность вокруг их личностей, инструктор выше меня по званию. Хлопнуть его по плечу, сказать, забей, парень, сколько времени прошло, никак не могу. Да и вообще. Ему даже по возрасту сейчас около сорока, не меньше. Неуважение будет с моей стороны. И это не считая того, насколько мой опыт отличается от его опыта.

– А! Да... Еще один момент... В сентябре 1992 господин Дудаев полетел в Боснию. Миротворцы арестовали его самолет, набитый оружием и вооруженными людьми. Кажется, все – избавились от сепаратистов, можно что-то делать в республике. Бери его готовенького. Но нет, господин Ельцин позвонил туда, и самолет сняли с ареста, а всех этих товарищей отпустили обратно домой. Прикинь?

Знаешь, сколько за полгода первой чеченской кампании было продано единиц летательной техники? Вертолеты, самолеты. Сотнями! А следом высокие чины в Грозном выступали на их телевидении, заявляя, что сбито 300 самолетов и вертолетов противника. Ну, то есть нас. Мы же противником считались. Они просто-напросто прикрывали факт списания и продажи нашей летательной техники. Соображаешь? Наши «бабки» отмывали, а те прикрывали. Не сложно сопоставить одно к другому.

Но тогда мы ещё особо не понимали. Мне повезло попасть под командование Рохлина.

В сам Грозный мы должны были входить с востока, а пошли с северо-востока. Старались продвигаться там, где нас меньше всего ждали. Строго под прикрытием артиллерии, а не кавалерийским наскоком, как это делали другие группировки, наступавшие на Грозный. Потому что информация «сливалась» Дудаеву за пять минут. Нашими же и «сливалась». Поэтому мы сведения подавали одни, а поступали совсем по-другому.

В результате, когда начались серьезные бои, только у нас, по сути, сохранилась связь с тылами и полноценное управление. Уже в городе, к нам стали прибиваться подразделения из других группировок. Нашему, рохлинскому штабу было передано управление всеми силами, штурмовавшими Грозный.

То, что там происходило, не просчеты командования, а что-то несусветное. Почему для участия в операции привели неукomплектованные части? Каким чудовищным образом их доукomплектовывали! К примеру, присылали к танкистам каких-то моряков, поваров. Логично разве? Правильно? Профессионально? Да хрен там! Костяк разведбата нашего корпуса составляли люди, служившие в ГДР. Приблизительно представляешь степень их готовности к военным действиям? Нулевая! Там они привыкли к комфорту, а тут их ждали бесконечные полигоны. Не все смогли перестро-

иться. Да и не все хотели, если честно. Мы прибыли, по сути, в разгар партизанской войны. Задачей нашего подразделения были ежедневные выезды на обнаружение и уничтожение бандформирований, складов с оружием, припасами, розыск полевых командиров, которые скрывались в горах, в населенных пунктах, да и в самом Грозном, они ведь далеко не уходили, они всегда были там, просто возникала трудность выявить их, где они находятся. Каждый день мы все равно делали это и несли сопутствующие потери. Первая потеря – наш водитель. Он с двумя офицерами выехал на рынок города Грозного. Их всех вместе убили выстрелами в затылок. Прямо на рынке, среди бела дня, при всем народе.

Знаешь, как? Они остановились возле центрального рынка, машина стояла на дороге. Офицеры вышли вдвоем... То же, конечно, нарушили инструкцию, совершили глупость: никогда нельзя поворачиваться спиной, запомни. Всегда нужно стоять, как минимум, спина к спине. Вдвоем подошли к торговым рядам. Из толпы появились два человека, подошли к ним сзади, приставили к затылкам пистолеты и сделали два выстрела одновременно. Не спеша, прямо там, сняли с них разгрузки, оружие, обыскали, забрали документы – короче, все, что у них было. И на фоне всего происходящего, представляешь, торговля шла, как ни в чем не бывало, ничего не остановилось...

А потом друга моего, товарища... Пятнадцатилетняя девочка вязальной спицей. Прикинь? Подошла и под броник

засадила, под мышку...

Вот так вот. А для наших верхушек все это было ради того, чтоб списать вооружение, сворованное и проданное при выводе войск из Восточной Германии. Понял? Масштабы представляешь? Вот эти масштабы надо было хорошо спрятать некоторым людям. Что может быть лучше войны в этом случае? И ещё... Опять же, спустя время понял, как «удачно» вся ситуация на Кавказе возникла к тому моменту, когда Союз решили уничтожить, развалить его.

Но мы все равно выполняли долг перед Родиной. Иначе-то никак.

А закончилось все... Встретились, поговорили, руки пожали тем, у кого они по локоть в крови и все. Итог – заключённые за одним столом соглашения. Это, как раз было 31 августа 1996 года. Мы эти соглашения восприняли как предательство. Месяц-другой – и все можно было закрыть окончательно, как произошло позже, во вторую кампанию. Если первая война была вялотекущей, то во второй боевиков реально выгнали в короткие сроки навсегда. Им деваться было некуда – их выбили практически со всех направлений. Граница с Грузией была закрыта, и нам оставалось либо брать их в плен, либо добивать. А тогда, в 1996, нас просто увели приказом. Возмущения на этот счет, и среди солдат, и среди офицеров, и среди генералов было достаточно много. А что толку то... Все же понимали, это как если бы во время Второй мировой Жукову сказали не входить в Берлин, так как

мы договорились с Гитлером.

Максим снова замолчал. Несмотря на то, что прошло уже почти двадцать лет, он, похоже, помнил все события, будто они вчера приключились. И вот в тот момент я осознал, почему с первого дня выделял его среди остальных. Он действительно помнил, а потому знал, как правильно. Оно ведь если чуть расслабился, забыл свой опыт, особенно когда он плохой, тяжёлый, можешь рассчитывать на новый круг. Всегда это происходит. Нельзя забывать, иначе так и будешь оказываться в отправной точке. Или события будут снова возвращаться.

– Ладно. Что – то я... лишнее, наверное.

Он поднялся с камня и пошел. Не сказав ничего на прощанье. Я стоял идиот идиотом.

Вот сейчас, топая по двору к подъезду дома, где меня ждали чужие люди и чужая жизнь, которую за свою принять никак не мог, мне вспомнилась та ситуация. Почему? Да потому что по всей логике вещей для демонов нет ничего прекраснее, чем события, о которых говорил инструктор. По крайней мере, сама же Наталья Никаноровна о том рассуждала не единожды. Грязь, кровь, смерть, человеческие грехи на переднем плане. А мой поступок, выходит, их, эти события, обнулил, вычеркнул, как факт. Значит, со всех точек зрения, я сделал совсем не то, что они, дьявольские сущно-

сти, хотели. Соответственно... Соответственно, чего это меня на книге заклинило? Почему я решил, будто она и есть камень преткновения. Не-е-е-е-ет... Опять все слишком наглядно. Мол, вот Ваня, смотри. Сюда смотри, куда тебе показывают. Эх... размышлять можно сколько угодно, но пока я сижу здесь, вариантов, на самом деле, тысяча. Отдал – не отдал. Тихонову – Берии. Левой рукой – правой рукой. Опять гадаю на кофейной гуще. Так и умом можно тронуться.

Нужно действовать, вот что. Все остальное – разберемся по обстоятельствам.

Я подошёл к дому. Двор совсем опустел, только на лавочке сидела та самая Никитишна. Остальных ее товарок видно не было.

– О, Иван. Вернулся. Чего шляешься? Поздно уже.

– Да так. Воздухом дышу. А Вы почему тут одна? Шли бы отдыхать.

– Тоже дышу. Воздухом. Твоя отправилась домой. С маменькой. Сочувствую. Всегда поражалась, как тебя угораздило на Ксюхе жениться. Вы же совсем разные. Ты – хороший парень. Головастый. Тебе бы женщину под стать, так и жизнь, может, сложилась бы иначе.

Трудно, конечно, не согласиться. Однако, я прекрасно знаю, и вообще без женщины моя жизнь была очень даже ничего. Не в плане, что celibat принял, а про жену имею в виду. И кстати, мысль о браке уже не казалась мне столь

привлекательной.

– Слушайте... а действительно. Чего я на Ксюхе-то женился? – Вроде и тему поддержал, и дал старушке повод для продолжения разговора. Может, что интересное всплывёт.

– Ой, да ладно?! Забыл? Она же тебе прохода не давала. Ты красивый, видный... – Никитишна посмотрела на меня, а потом уточнила, – Был. Хоть отец из простых, рабочих а все равно – завидный парень. С дедом твоим только вышло, конечно... Эх, Иваныч... Вот мужик. Таких сейчас не найти.

Я повернулся лицом к соседке, глядя на нее с выражением, будто она призналась, что ночами голая по центральной улице прогуливается. И то, наверное, меньше бы удивился.

– Что вылупился? Знала я деда твоего. Конечно. Мне в тот год исполнилось двадцать лет. Молодая была, пылкая. А тут ходит мимо чекист, герой войны. Да ещё родом из столицы. К нам в город он через год после Победы перебрался. Не знаю, по какой причине. Тут не расскажу ничего. Мы тогда в старом доме жили, его снесли потом и как раз всем дали квартиры здесь. Это уже позже. Ну, вот представь, идём с подружками, а на встречу Иван Иваныч. Стать, плечи, форма... Но женат был. Это прямо убивало местных дамочек наповал. И знаешь, что интересно... супругу он не любил. Виду никогда не показывал посторонним, но не любил. Точно говорю. Я знаю. И она знала. Так случилось, однажды случайно их ссору услышала. Дом двухэтажный был, а за ним –

кусты сирени. Сижу, значит, на лавочке, в кустах, а тут Иваныч со двора выходит. За ним жена следом. Алевтиной ее звали. Она ему, стой, говорит. Громко так, на нервах. Ага. Он идёт все равно. Она опять, мол, стой, говорит, знаю, куда ты собрался. Лизка твоя объявилась. К ней, мол, бежишь. Как можно? То от нее за пятьсот километров прячешься, то к ней. Иваныч замер, потом резко так повернулся и ответил, что это неверное мнение. У нас, говорит он Алевтине, сын только родился, а ты меня, говорит, в измене подозреваешь. Лиза проездом. Товарищ она боевой. И все. Опять пошел вперёд. Алевтина заплакала, но больше догонять не стала. Вот так вот. Ну, а потом вскоре его вроде в Москву вызвали. Такой слух был. Оттуда он уже не вернулся. Что за Лизка, сказала бы, да не знаю. Но показалось в тот момент, дюже она для него больной темой была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.